

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

**МЫ КВИТЫ
СО СМЕРТЬЮ**

Спецназ. Офицеры

Сергей Зверев

Мы квиты со смертью

«ЭКСМО»

2009

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Зверев С. И.

Мы квиты со смертью / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2009 — (Спецназ. Офицеры)

ISBN 978-5-699-67754-2

Спецназовец ВДВ Владимир Локис и не подозревал, что обычные учения обернутся кровавой драмой. Согласно легенде учений, он и его напарник в роли иностранных агентов должны были, преодолев заслоны пограничников, сфотографировать секретный аэродром и доставить снимки в дружественный штаб. Но в результате неожиданной стычки с «черными» копателями трофеев Второй мировой напарник погиб, а на Владимира повесили его убийство. Теперь за Локисом охотятся не только пограничники, но и милиция. Однако скрутить лихого десантника нелегко. Владимир не собирается сдаваться, пока не выполнит поставленную задачу и не расквитается с убийцей товарища... Книга также выходила под названием «Черная сделка».

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-67754-2

© Зверев С. И., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	15
5	17
6	20
7	23
8	25
9	27
10	32
11	35
12	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Зверев

Мы квиты со смертью

© Зверев С., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

1

Солнце ушло далеко за лес. На запад. Пройдет еще минут сорок-пятьдесят, и оно полностью утонет в Балтийском море. Начнется летняя ночь. Не очень темная в этих краях. Хотя широколиственный лес, которым покрыто около трети Калининградской области, уже затянуло полумраком.

На лесную прогалину с разных сторон вышли четверо – широкоплечие, длиннорукие – тяжелые кулаки, объемные бицепсы. Их экипировка была похожа на горно-туристскую – куртки защитного цвета с множеством карманов, рюкзаки, кобура для ножа, фонарика, каких-то оптических приборов, электрошокера. Для полноты картины не доставало только оружия. На ногах – высокие сапоги из водоотталкивающего материала. Явно не запоздалые грибники вышли на глухую поляну. Походка, движения, обмундирование – все говорило о военной профессии мужчин, встретившихся в лесу около пограничной зоны на северо-востоке Калининградской области.

Мужчины молча глянули друг на друга. Один – светловолосый, рослый – показал рукой на рюкзак.

Кивнули, снова разошлись в стороны, впрочем, не очень далеко друг от друга. Каждый выбрал подходящее для себя место. Аккуратно вскрыл ножом, похожим на штык-нож к автоматической винтовке, дерн, схоронил сложенный в рюкзаке парашют-крыло. На таком вполне возможно было незаметно и бесшумно пересечь пограничный с Литвой Неман.

Через несколько минут мужчины опять сошлись, обменялись хмурыми взглядами, осмотрелись, прислушались к лесной тишине. Тот же светловолосый, что показывал на рюкзак, поднял правую руку, коротко махнул. Двое пошли в сторону, указанную им. А он сам и его товарищ, ростом пониже и покряжистее, взяли немного правее и углубились в лес. Мужчины, естественно, действовали по заранее обговоренному плану.

Светловолосый шел первым, его спутник – за ним, чуть ли не след в след. Ступали осторожно, чтобы лишний раз не трещать сучьями. Не переговаривались. При каждом подозрительном шорохе замирали. Время от времени светловолосый останавливался, доставал странного вида прибор – не то плоский мобильный телефон, не то электронная записная книжка, – справлялся по GPS, где они находятся. Вдвоем молча осматривали на экране электронную карту, сверяли, засекали время. Палец светловолосого то и дело показывал на значок, каким обычно обозначается военный аэродром. Они уверенно выбирали кратчайший путь до него, при этом обходили населенные пункты. Предпочитали места поглуше, поболотистее. Перед автотрассами залегали, выжидали момент, когда в поле зрения не будет машин, быстро перебежали проезжую часть. К людям, которых они изредка замечали на пути, не подходили вообще, встречных пропускали.

Шли всю ночь, а к утру оказались перед неширокой лесной речкой. Ее светлая гладь говорила о том, что скоро совсем развиднеет. Переправились вброд, залегли.

Светловолосый сделал знак рукой – замри. Раздвинул прибрежные кусты. Перед ними возвышалась сосна. С нижней сухой ветки свисал черный штандарт с эмблемой «Waffen-SS», правда, несколько истлевший. Видимо, его недавно откопали и повесили сушиться. Тут же, вокруг сосны и вдоль берега, в хаотичном порядке были разложены десятки человеческих скелетов. Рядом с ними – немецкие каски, мятые фляги, пряжки, пуговицы, сапоги, ремни, планшеты и множество другого полуистлевшего старья.

Крепыш – товарищ светловолосого – тоже раздвинул кусты, увидел штандарт:

– Фашисты? – прошептал он.

– Глянь-ка на землю.

Крепыш оцепенел от увиденного.

– Это – «черные копатели»... – сказал светловолосый. – Совсем охренели. На костях бизнес делают... пусть даже и на немецких!

Светловолосый и крепыш огляделись – вроде никого рядом не было. Поднялись.

– Смотри – тут целый арсенал, – прикинул крепыш.

Отдельной горкой лежало заржавевшее оружие – «шмайсеры», «парабеллумы», «вальтеры», винтовки, отдельно – такие же «шмайсеры» и «парабеллумы», вполне пригодные для употребления. Рядом стоял вскрытый цинковый ящик с гранатами.

– Да, взвод можно вооружить, – сказал светловолосый.

– Отметь на карте... Нашим бы сообщить. Хотя, блин, демаскируемся. Проучить бы их.

– Проучим, – светловолосый открыл электронную карту...

– Тихо – они там, – предупредил крепыш.

Чуть поодаль на берегу стоял туристический трейлер, типа «домик на колесах». Вокруг него лежали пустые бутылки из-под водки, открытые консервы, а из самого трейлера раздавался богатырский храп.

– Суки, нажрались, теперь отсыпаются.

Сначала крепыш, потом светловолосый подошли к трейлеру поближе. За ним у речной затоки стояла мотопомпа, здесь же – бульдозер с металлическими тросами, лежащими на вспаханной ими же земле.

– У них тут все на широкую ногу поставлено, – вполголоса сказал светловолосый.

– Может, падлам колеса продырявить, – крепыш подошел вплотную к самому трейлеру.

В это время дверь «домика на колесах» резко, словно от удара ногой, открылась, и из него вылез зверовидный мужик. Он был в синих спортивных штанах и белой растянутой майке. На ногах – обрезанные кирзовые сапоги на босу ногу. Мускулы словно у культуриста на шее и плечах налитые, бугристые, отчего его голова казалась меньше, чем положено нормальному человеку.

Он уперся затуманенным взглядом в крепыша.

– Э, кто тут ошивается! – проорал он охрипшим спяну голосом.

Храп в трейлере прекратился.

– Вы, блина мать, каннибалы гребаные... – крепыш встал перед ним.

– Пропусти, – неожиданно мирно сказал «культурист».

Он отошел в сторону – в кусты.

Из трейлера вылезло еще четверо громил, похожих на первого, словно родные братья.

– Мы – военно-патриотический клуб, – сказал «культурист» под производимое им бурное журчание.

– Патриотический? – крепыш кивком головы указал на эсэсовский штандарт. – А какой страны ты патриот, расскажи-ка, а то я, типа, не понял... – он подошел к сосне, содрал штандарт в порыве порвать его на хрен...

«Культурист» спокойно подтянул штаны до пупа:

– Не трогай исторический экспонат... Я сейчас все разъясню и покажу.

Четверо громил продрали глаза и разбродились по ближайшему лесу. Хмуро, исподлобья косились они то на крепыша, то на светловолосого.

– Да не надо нам ничего разъяснять, – светловолосый и крепыш вплотную подошли к «культуристу».

Тот понял, что сейчас его будут бить.

– Вот, «корки» покажу. – «Культурист» примирительно улыбнулся, нагнулся, чтобы достать из бокового кармана штанов документы, но потом вдруг резким движением выхватил из голенища сапога финку и молниеносно всадил крепышу в грудь.

Крепыш, перед тем как его обожгло, успел нанести «культуристу» удар через руку в скулу. Тот отлетел, при этом вырвав из грудины крепыша нож. Хлынула кровь. Светло-

волосый в ту же секунду мощным ударом ребром ладони выбил у «культуриста» финку – словно отсек ему руку. Второй рукой достал его нижнюю челюсть. «Включил» ноги. Нанес удар в печень, в солнечное сплетение. У «культуриста» перехватило дыхание. Он, как-то скрючившись, грохнулся навзничь.

Светловолосый перевел взгляд на своего товарища. Крепыш, держась за грудь, медленно оседал.

– Держись! Слышишь! – крикнул светловолосый.

Боковым зрением он увидел, как на него налетает здоровяк. Этот «черный копатель» выглядел, как ошестившийся боров, краснорожий, со студенистыми зрачками. Боров бестолково – мельницей – размахивал своими громадными кулачищами, орал что-то нечленораздельное и бежал на светловолосого. Наверное, хотел не столько избить того, сколько сшибить с ног своей массой. Светловолосый сделал шаг в сторону, дал борову немного пролететь, и боковым в грудь сбил ему дыхание. Пока тот пролетал мимо, другой рукой срубил его – ударом по шее. Боров зарылся носом в траву, покрытую чистой утренней росой. Там и остался.

Крепыш уже сидел на земле. Ослабевая, тихо стонал.

– Валерка, будь со мной, слышишь. Я сейчас! – крикнул светловолосый, отпрыгнул от упавшего борова, сорвал с липучек нагрудный карман. – Сейчас, аптечка...

Там был микроволновый прибор, похожий на отвертку, – спецразработка военных медиков. Под воздействием микроволн, выпускаемых «отверточкой», сворачивалась кровь даже в глубоких порезах. Это могло дать Валерке реальную возможность продержаться.

Светловолосый быстро достал пластиковую коробочку. Она не открывалась – была плотно закрыта. Подхватил нож, который валялся тут же, под ногами, вскрыл отсек с патронташем пузатых одноразовых шприцов. Среди них был этот прибор...

В этот момент увесистая дубина обрушилась на его затылок.

В глазах закружилась картинка – два мужика, один широкий, другой высокий, с поднятыми над головой березовыми колами стояли возле него – чуть со спины. У длинного кол был окровавленный. Потом все потемнело.

2

Антонина Тимофеевна Локис всю жизнь прожила в подмосковной Балашихе. И в Москву ездила не часто. А чего ездить? Работа – литейно-механический завод, где она дослужилась до старшей кладовщицы инструментального цеха – близко, а все, что необходимо для жизни, можно купить и здесь, в Балашихе. Тем более что и денег-то у Антонины Тимофеевны, или Тонечки, как ее до сих пор называли в цеху, всегда имелось в обрез, и тратиться на билеты до Москвы и обратно она считала непозволительной роскошью.

Теперь же Антонина Тимофеевна по большей части жила одна. Горячо любимый сын появлялся наездами.

Семейное счастье у Тонечки было коротким. Однажды на танцах она познакомилась с Олегом – сержантом-сверхсрочником, служившим в части прямо здесь, в Балашихе. Немного словный увалень-белорус тоже устроился на литейно-механический завод. Работал формовщиком в горячем цеху, зарабатывал хорошо, выпивал только по праздникам и исключительно дома.

Погиб он через три года после свадьбы на глазах у Тонечки и сына, который, впрочем, не понимал тогда ничего по причине малолетства. Муж бросился вытаскивать двенадцатилетнего пацана, тонувшего в Пехорке. Парня вытолкнул, а сам выплыть не смог. Хоть и невелика речка, без омутов и стремнин, а вот надо же – случилось! Так и растила Тонечка одного сына Володьку. И ведь вырастила. Теперь контрактником служит в элитном парашютном спецназе. Правда, пошел по ее профессии – кладовщик. Семейное призвание как-никак. Только у них, у военных, это как-то смешно называется – каптерщик. Как-то по-рыбацки, рыбу, что ли, он там коптит... Ну, это и хорошо, поспокойнее, прыгать с парашютом заставляют исключительно во время больших учений. И все равно, бывало, сердце материнское так защемит, переживает за Володьку. Антонина Тимофеевна в Рождественскую церковь стала ходить. Взяла себе за правило по воскресеньям – обязательно. Всегда ставила свечи перед образами матери Божьей и чудотворца Николая Угодника. А еще перед иконой святого Ильи, потому как батюшка сказал ей, что святой Илья-пророк – покровитель небесного воинства – десантников.

Антонина Тимофеевна возвращалась с воскресной службы, уже поднималась к себе в квартиру, как внезапно услышала на площадке шум. Пьяный парень стучал кулаком в дверь.

– Я тебе сказал! Слышишь! Открывай!

«Вот сожителя себе нашла», – подумала Антонина Тимофеевна про Наташку – молодую, почти юную девушку – свою соседку.

– Иди, проспись! – из-за двери писклявым голосом крикнула Наташка.

– Да я немного выпил-то... А-а что?.. Я себе не могу позволить... нервы успокоить!? Тем более в... выходной!

– Ты, парень, не горячись, – сказала Антонина Тимофеевна. – Иди, погуляй по улице. Проветришься, в себя придешь. Глядишь, и она к тому времени успокоится.

– Да что вы тут все... Меня учить, десантника... Пока я под чеченскими пулями брюхом по земле ползал, вы здесь в тепле и сытости денежки себе копили, – проревел мужик диким голосом.

– Может, закроешься? – взвизгнула Наташка.

Она узнала голос Антонины Тимофеевны, и ей стало очень стыдно за своего парня.

– Дверь отвори! А вы, мать, проходите. Ненароком дверью зашибет, – он с новой силой ударил кулаком по косяку.

– Эй, мужик, не буй! – На площадке открылась еще одна дверь.

Выглянул гражданин в шлепанцах на босу ногу, в расхристанном махровом халате, из-за которого выглядывал обтянутый оранжевой футболкой круглый живот.

– Что-о! Ты это мне!? – заорал Наташкин сожитель и схватился за ручку открытой двери.

Гражданин в халате увидел перед собой перекошенную от ярости физиономию бывшего десантника и мгновенно успел оценить габариты соперника. Мужик не на шутку испугался, резко дернул дверную ручку со своей стороны. Рука Наташкиного сожителя соскользнула, и дверь хлопнула так громко, как будто в подъезде раздался взрыв. На этаже вылетело оконное стекло. Осколки острым дождем посыпались по каменным ступеням. На площадках выше открылись двери, из квартир повысовывались переполошившиеся жильцы:

– Что случилось!?

– Издевательство!..

– Понапиваются тут!..

– Псих отмороженный!..

– Милицию!..

– Достали!..

– А кто за стекло заплатит!? – подъезд загудел, словно разворошенный улей.

– Я за вас, блин, кровь проливал... Стольких друзей схоронил... А вы из-за какого-то стекла копеечного. Вы меня... Да оно, я видел, давно треснутое было!.. – у бывшего десантника сжались кулаки, он готов был уже вскочить по пролетам лестницы наверх и разобраться с каждым, кто осмелился на него что-то там вякнуть. – Мне что, «табель» свой принести и всем вам рты позакрывать?!

– Парень, послушай. погоди! Остынь! – Антонина Тимофеевна как раз находилась у него на пути первой и смело встала посреди лестничного пролета. – Не доводи до греха...

– Отойди... Ты кто такая? – кипел бывший десантник.

– Я – Антонина Тимофеевна Локис. У меня сын тоже десантник...

– Локис... – Наташкин сожитель как-то сразу осекся, отступил. – Извините. Извините меня. Что-то я совсем... На душе, понимаете, хреново... Так уже все достало... Извините, пожалуйста, извините. – Он еще на шаг отступил, снова очутился на площадке перед Наташкиной дверью.

Наташка, не долго думая, распахнула входную дверь.

– Заходи ты... – она втянула его, схватив за ворот рубашки, и тут же захлопнула дверь.

Щелкнул замок.

– Да он у меня этим... как его... каптерщиком служит, – сказала Антонина Тимофеевна, сама удивленная такой резкой перемене в поведении Наташкиного сожителя.

– А кто за стекло заплатит!? – не унимались сверху.

– Да ничего... Все в порядке... Он заплатит, – уверенным голосом произнесла Антонина Тимофеевна. – Пусть отдохнет только.

Антонина Тимофеевна поднялась к себе в квартиру.

3

– Обратите внимание, – Вероника изобразила на лице отработанную, но все равно обязательную улыбку. Именно с таким видом она встречала зашедших в магазинчик покупателей. – Очень редкие экземпляры. Посмотрите. Застывшие в смоле мушки...

Симпатичная, миловидная, кареглазая, с белокурыми волосами – конечно, не натуральными, но ухоженными, – Вероника Скорняшко работала у своего отца в антикварном магазинчике. Ей было чуть больше двадцати, и работу продавца она рассматривала как временную.

Магазинчик назывался «Вещи истории» и находился недалеко от центра Калининграда, поэтому туристы, особенно ностальгирующие по былому Кенигсбергу немцы, в магазинчик время от времени заглядывали. А смотреть и покупать там было что: поддельные палехские шкатулки, железные кресты, портрет Фридриха Великого в раме в стиле рококо, вымпелы «Победителю социалистического соревнования», красные флаги с изображением Ленина, октябратские, пионерские, комсомольские и армейские значки, солдатские поделки времен Великой Отечественной войны – бензиновые зажигалки, кулоны, даже обручальные кольца из отстреленных гильз разного калибра.

Отдельно, возле стены с подсветкой находилась витрина с янтарем. Она всегда вызывала особый интерес посетителей, в первую очередь – иностранцев. Их привлекала и красота «морского камня», и его относительная дешевизна. Уже в Польше, совсем недалеко от границы, цена янтаря существенно повышалась.

На этот раз покупатели были из России, смоленские туристы. Молодые парни окинули взглядом предметы советской эпохи, а потом попросили показать командирский бинокль.

– Будете брать? – сияя очаровательным взглядом, спросила Вероника.

– Будем.

Торговаться не стали.

– Надо же в море посмотреть... Корабли на горизонте дымят, – объяснил один из покупателей.

Его слова перекрыл звук бормашины, доносившийся из служебного помещения.

– Спасибо, – сказала Вероника чуть громче обычного.

Она пересчитала банкноты, улыбнулась второй отработанной улыбкой, мол, всего хорошего, приезжайте еще в наш город и заходите в наш магазин.

Когда молодые люди вышли, улыбка с ее губ моментально исчезла.

– Папа, закрывай плотнее двери! – крикнула она.

За прилавком находилась сводчатая ниша и узкий спуск – каменные ступеньки вели вниз, в цокольное помещение. Там располагался склад, совмещенный с реставрационной мастерской, в которой орудовал пожилой лысый мужчина. Бормашинкой, похожей на зубоучастную, тоже эпохи СССР – веревочки крутят колесики, а потом и сверло, он буравил в куске янтаря лунку. На лбу у него, на сдвижном обруче, торчал окуляр часовщика. Рабочий стол был основательно забрызган застывшими каплями эпоксидной смолы и ценного янтаря. Посреди стола стояла пузатая трехлитровая банка. В ней ползали, а некоторые остервенело летали по кругу или бились головой о прозрачные стенки черные мухи. Даже сквозь полиэтиленовую крышку было слышно их яростное жужжание. Тут же, на столе, были склянка с комарами и склянка с пауками. Николай Прокопьевич Скорняшко – так звали отца Вероники – в зависимости от творческой задумки, брал пинцетом то муху, то комара, то паука, аккуратно засовывал насекомое в лунку, заливал расплавленным янтарем или подкрашенной под янтарь эпоксидной смолой. Он не считал себя ни «подельщиком» ни «поддельщиком» – он восстанавливал или, точнее, моделировал историю – тот момент, когда насекомое попало в жидкую смолу. А таких моментов на протяжении всей истории Земли было невероятное множество.

Николай Прокопьевич создавал свои «застывшие моменты истории» художественно и с удовольствием. Любовно отполировывал поврежденный им янтарь. А иногда его тянуло поработать с металлом. Тогда он доставал гильзы времен Великой Отечественной войны и мастерил то, что вполне могли, как ему казалось, сделать солдаты в окопах.

Тем временем магазин закрылся на обеденный перерыв. Вернее, у него обеденного перерыва не было вообще. Это же не солидно для преуспевающего, можно сказать престижного магазина с броским названием – «Вещи истории» – иметь перерыв на обед. Просто Вероника вешала на двери табличку – «Перерыв. Пятнадцать минут». Никто ведь не знал, когда начались и когда закончатся эти пятнадцать минут.

Вероника спустилась в подсобку и включила новенький электрочайник.

Николай Прокопьевич куском замши прилежно натирал поддельный коллекционный янтарь:

– Сходила бы, дочка, пауков наловила! В кладовке, в углу, я заметил паутину.

– Ты же знаешь, папа, я с детства боюсь пауков, – парировала девушка.

– У нас пауки безобидные. Это не каракурты... Интересно, – задумался Николай Прокопьевич, – а если бы в куске янтаря был смертельно ядовитый паук... Сколько бы такой кусок потянул?

– Люди любят нервы пощекотать... Дорого. Но сразу же выплыла бы подделка, – остудила пыл отца Вероника.

– Над этим надо хорошенько подумать, – почесал лысину Николай Прокопьевич.

– Сколько раз мы с тобой говорили. Я против обмана. Ты тут ковыряешься, а мне это все покупателям втюхивать, да еще и улыбаться при этом. Я устала сидеть в пыли, среди хлама и нацистских железок с черепами. Мне противно! – Вероника нервно повела плечами. – Я не для этого столько лет учила немецкий!

Во дворе послышалось тихое урчание автомобильного двигателя. К черному входу магазинчика подъехал ничем не примечательный микроавтобус цвета мокрого асфальта. Через минуту дверь подсобки открылась.

– Скоро от этой пылищи я заработаю аллергию, потом астму – задохнусь и умру... От пауков получу кондражку и нервный тик. Кто меня такую замуж возьмет? – продолжала жаловаться на жизнь Вероника.

– Пыль ей не нравится... Пауков боится. Продавать брезгует. Что-то ты, племянница, совсем обнаглела... – с этими словами в подсобку вошел широкоплечий мужик лет тридцати пяти – толстая шея, маленькая голова. Видно было, что он качается или работает физически – много и упорно.

– Здорово, брат, – Николай Прокопьевич обтер о кожаный фартук руку от янтарной пыли и протянул мужику.

Тот, словно клешней, на секунду сильно сжал ее. Николай Прокопьевич обратил внимание на брызги крови на куртке брата, но предпочел ничего не говорить.

– Вероника, иди работай, нечего тут околачиваться – сердито сказал брат Николая Прокопьевича.

– Я еще чаю не успела попить, – Вероника не то что недолюбливала своего дядю Антона, она его боялась. Девушка чувствовала животную дикость в его взгляде, движениях, запахе.

– Бери чайник, чашку – и наверх! – рявкнул дядя Антон.

Николай Прокопьевич также старался не перечить своему младшему брату. Все-таки на его товаре в основном и держался семейный бизнес.

Когда Вероника удалилась, Антон снял куртку и швырнул ее в угол.

– Скоро нам не нужны будут эти чертовы пауки и мухи... Мы тут такое дело заварили!

Он положил на стол овальный диск из тонкой пластины алюминия, весьма потускневший от времени. На нем были выбиты какие-то цифры.

– Колян, знаешь, что это такое? – спросил брата Антон.

Николай Прокопьевич внимательно посмотрел на железяку.

– Знаю, слышал. Видеть не видывал, но слышал. Это «бляха собаки».

– Точно. Медальон-идентификатор личности солдат вермахта. Устав обязывал ношение медальона на шее солдатами и офицерами в полевых условиях. Видишь – целый, овальный, – Антон был крайне возбужден. – Если фашиста убивали, одну часть медальона отламывали и направляли в канцелярию, а другую оставляли на трупе. Эти цифры и буквы: группа крови, должность, военная часть...

– А он настоящий? – с сомнением перебил его Николай Прокопьевич.

– Это не твои зажигалки из гильз. Настоящий и целый...

– И за сколько такой можно толкнуть? – не унимался янтарных дел мастер.

– За тридцать евриков.

– Покажи-ка, – Николай Прокопьевич с интересом глянул на «бляху собаки», настроил окуляр, посмотрел сквозь него на ряд выбитых цифр... – Я тебе таких знаешь сколько наклепаю...

– Да погоди ты.... Подделку немцы сразу определяют.... Я не про это. Если медальон целый, то это значит, что сведений про фашиста, на котором его нашли, в Германии нет. Это значит, что он пропал без вести!

– Ну и что? – интерес к железяке у Николая Прокопьевича почти пропал.

– А я его нашел!

– Кого?

– Того фрица, – Антон радостно гудел, как разогретый чайник. – И знаешь, кто он такой?

– Ну, кто?

Антон склонился к самому уху Николая Прокопьевича, прошептал гортанное немецкое имя и выделил интонацией главное – должность.

Услышанное Николая Прокопьевича очень впечатлило:

– Да ни хрена себе... И что – кости тоже есть?

– Конечно, – в нетерпении взвился Антон. – Хоть анализ ДНК заказывай – уверен, совпадет. Там вообще место золотое. Нашли пару таких медальонов – так просто в земле, не поймешь от какого фрица. Может, гранатой разорвало, а медальон на десятки метров откинуло. По тридцать евриков тут же ушли. А этот аккурат на ребрах лежал. И «парабеллум» недалеко. Я эту «бляху сучары» в карман спрятал – чтобы пацаны не заметили. Несколько месяцев на консультации у знающих людей пошло, в Интернете справлялся, заказывал официальных переводчиков. Немцы без печати и подписи не работают и не отвечают на запросы. Те еврики – все выложить пришлось. Но нашел! Нашел фашистскую гадину!

– И что же из его костей можно вытянуть? – вслух задумался Николай Прокопьевич.

Антон снова склонился к уху старшего брата:

– Я слышал, что немецкие дворяне за прах покойного предка платили до ста тысяч!

– Да ну! Евро!?

– Тихо. Главное, что это вполне легально! Действует договор между РФ и Германией от 1996 года. Называется «О порядке перезахоронения останков погибших в период Второй мировой войны». Немцы – люди благодарные, нашедшему за скелет платят 5 000 евро, но никто не запрещает благодарным родственникам поощрить старателя за работу. Понимаешь, что к чему?

– А если немцы откажутся поощрять? – никак не мог поверить свалившемуся на них «счастью» Николай Прокопьевич.

– Пять кусков в кармане уже есть... А поощрение зависит от того, как обставить дело. Главное, что кости у нас, и только я один знаю, где они! Фрицам можно намекнуть, что без поощрения у меня память слабеет, мол, забываю, где кости лежат... Так и останется

их предок гнить в болоте. Я могу и по лесу с ними походить и с сожалением признаться – ой, извините, не могу отыскать, все травой заросло. Главное, сейчас никому ни гу-гу. И ты никому... Я и вам, чтобы не сглазить, ничего не говорил. А теперь ваша помощь понадобится. И Вероники тоже. Немцы скоро приезжают.

– Родственники того фрица?

– Да.

– Понятно... – Николай Прокопьевич почувствовал, что его брат на самом деле «тащит куш», и ему тоже может от этого перепасть. Но все-таки дело рискованное. Большие деньги требуют осторожности.

– Слушай, Колян, а кровь откуда? Порезался, что ли? – Николай Прокопьевич чуть ли не прошептал это – мало ли каким образом его брату довелось сведения о том немце выбивать.

Колян поморщился.

– Ай, не бойсь. Это к делу не относится. Считай, мелкая неприятность. На каких-то уродах в лесу напали. То ли солдаты в самоволке, то ли туристы. Но я уже почти выпутался, – попытался успокоить брата Антон.

– А это не помешает? – с сомнением спросил Николай Прокопьевич.

– Ничего. У нас же все схвачено – забыл? Одевайся, поедem...

Спустя несколько минут неприметный микроавтобус выехал со двора.

4

Недалеко от Балтийского моря в бетонном укрытии, замаскированном под заросший травой холм, находился командный пункт береговой охраны. Сейчас на десять дней его арендовал спецназ ВДВ. Ровно такой период времени должны были занять совместные учения десантников, пограничников и спецподразделений ФСБ. Несмотря на то что учения носили локальный характер, подход к ним был весьма серьезный.

Легенда была такова. Четверо диверсантов, предположительно представители западных разведок, незаметно перешли литовско-российскую границу – реку Неман. Все четверо владеют русским языком, прекрасно тренированы, осведомлены насчет реалий, уровня жизни и настроений населения балтийского анклава Российской Федерации. Задание, которое получили диверсанты-разведчики, немудреное – выйти к военному аэродрому, сделать там несколько снимков, затем пробраться в Калининград, передать снимки в условленное место, после чего выйти к российско-польской границе. Естественно, пограничники должны будут определить место нарушения границы. Их задача – найти, задержать и обезвредить «нарушителей». На помощь пограничникам выделяется оперативная группа ФСБ.

Таким образом, элемент учебы был налицо. Для «диверсантов», роль которых исполняли десантники, – это возможность усовершенствовать навыки скрытого передвижения и съема информации. Для пограничников и эфэсбэшников – укрепить поисковые навыки и отработать взаимодействие внутри команды. Местное население, естественно, об этой военной игре не оповещали. Все должно было происходить натурально, приближенно к настоящим условиям.

Полковник ВДВ Анатолий Иванович Белогуров – который «вел» своих десантников и к которому лично поступала полная информация обо всех передвижениях «диверсантов» – был не в духе. Ему не сиделось в командном пункте, поэтому он то и дело выходил подышать свежим воздухом – совершал прогулку вокруг холма: Анатолий Иванович курил сигарету за сигаретой, покусывая ус. Подчиненные Белогурова прекрасно знали, что если полковник покусывает ус, значит, что-то идет не должным образом.

Только полковник пока никому и ничего не говорил, не докладывал и не рапортовал.

А не сообщал он ничего потому, что картина происходящего с его людьми была не совсем ясна. Анатолий Иванович с помощью космического слежения видел, что разведгруппа благополучно высадилась недалеко от реки Неман, разделилась, и теперь уже обе группы удачно продвинулись к аэродрому. Группа старшины ВДВ Владимира Локиса шла даже с опережением графика, при этом удачно запутывая следы. Но час назад связь с Локисом прервалась. На электронной карте красная точка, обозначающая место расположения его группы, пропала... Что могло случиться?

– Алло, алло! Полковник Заречный? – Анатолий Иванович Белогуров позвонил на мобильный телефон своему оппоненту по военной игре.

– Здоров, Белогуров.

– Как успехи у твоих?

– Пока не поймали. Но ты же сам все увидишь.

– Так что, совсем ничего? – теряя всякую надежду, спросил полковник.

– Не радуйся, от моих ребят не уйдут. Да-да, вот сообщили, обнаружены парашюты. Все четыре. На поляне болотного острова. Хитрые, типа...

– Слушай, не в службу, а в дружбу, если что-нибудь обнаружишь, сообщи. Прямо мне, на мобильный. Без формальностей.

– Белогуров... – крикнул в трубку полковник пограничных войск Василий Петрович Заречный. – А я не знал, что ты такой азартный... Пари заключил, точно? Сколько конины?.. Поделишься?.. Ладно, не беспокойся... Там еще эфэсбэшники работают.

– А они ничего не заметили?

– Твоих нет. Нашли свежевскопанную землю. Это местные черными раскопками занимаются. Короче, могильщиков этих вроде бы спугнули.

– Что за могильщики?

– Уроды местные, кости перекапывают. Фашистские побрякушки ищут. С ними менты работают, чтобы оружие сдавали. Дело известное...

– Значит, договорились.

– Лады, договорились... – Василий Петрович Заречный в принципе согласился, но все-таки добавил: – С тебя, Белогуров, коньяк.

Анатолий Иванович понял, что погранец чувствует, что проиграет, и бутылочка коньяка будет для него небольшим утешением.

– Хорошо, черт с тобой, – сказал полковник ВДВ и нажал красную кнопку телефона.

Привычным жестом он положил мобилку в прямоугольную кожаную кобуру.

– Эй, боец, как тебя, – обратился Анатолий Иванович к солдату, который подметал тропинку, ведущую к холму.

– Рядовой Поскребышев, – солдат отставил в сторону метелку на длинном черенке и неестественно заморгал в ожидании приказаний.

– Сигареты есть?

– Не-а... То есть никак нет, товарищ полковник.

– Жаль, – Анатолий Иванович закусил ус. Осмотрелся, нет ли кого-нибудь поблизости. Никого, впрочем, не было.

– Товарищ полковник, – сказал рядовой Поскребышев, – разрешите обратиться?

Анатолий Иванович обернулся:

– Разрешаю.

– Есть папиросы «Беломор».

– Ды ты чё... Давай!

Полковник Белогуров закурил и пошел на прогулку вокруг холма. С каждой затяжкой он успокаивался – ребята боевые, молодые, головастые и натренированные – все будет хорошо.

5

Старшина спецназа ВДВ Владимир Локис очнулся внутри туристического трейлера. Во рту – вкус крови. Вдохнуть полной грудью, пошевелить руками и ногами оказалось невозможным, так туго он был связан. Башка раскалывалась и гудела.

Снаружи трейлера послышался голос:

– ...проще в лесу закопать! – Локис узнал – говорил тот самый «культурист».

«Блин, мало я над ним поработал, – подумал десантник. – Челюсти бы, сука, не раззявил».

– К фрицам обоих... Были человечки да сплыли. В лесу затерялись. В болоте утопи...

– Нет, этого совсем не проще... У них спутниковый навигатор был. А это – след, – говорил кто-то. Может быть, тот ублюдок, который его сзади поленом по голове двинул, когда он пытался раненому товарищу помочь.

– Да ваще не понятно, кто он таков, – встрял третий. – Наверняка этих мудаков искать будут. Может быть, есть другой вариант... Более законный?!

Еще один – скорее всего тот «боров», что на него накинута, заныл низким, брюхатым голосом:

– На фига было связываться! Водки бы предложили. Они бы подумали, что мы ребята добрые. Просто дело у нас немного некрасивое.

– Да заткнись ты, – перебил его «культурист», – тут место – копать не перекопать, золотое дно! А если бы они кому-нибудь проболтались? Да и агрессивные очень... И не хотел я убивать, так – попугать... Но получилось по-другому. Что, теперь вешаться?

– Ты что, перетрух? В штаны наложил? – встрял второй.

– Да нет, просто можно было по-другому, – оправдывался «боров».

– Значит, не можно было, – оборвал его «культурист». – Ты говоришь, у него навигатор был?

– Да, – ответил второй. – Он нож трогал – отпечатки есть... Я нож в целлофан положил, пускай отпечатки сохраняются.

– Такого закапывать нельзя. Будем по закону. Хотя это и дороже, – растягивая слова, сказал «культурист». Он обдумывал сложившуюся ситуацию.

– Да все равно мы менту платим, пускай теперь отрабатывает. А свидетелями твои бичи будут. За стакан что хочешь подпишут.

– Ладно, я вызову участкового, – уже полностью владея собой и своим обычным низким голосом произнес «культурист». – Ты с этим навигатором подальше в лес зайди да в болоте утопи. Мол, этот специально навигатор потерял. А вы труп его дружка подальше от наших фрицев отнесите, по речке. Как будто они по реке шли. И бросьте там. Смотрите не волочите. Не филоньте – на ручках... – «Культурист» задумался, затем продолжил. – Говорим так: мы, мол, как обычно, делали разведку, увидели: один мужик другого пырнул. А что они там не поделили – не знаем, их дела. Мы, законопослушные граждане, убийцу обезвредили и властям выдали. И даже, заметьте, трофейное оружие не использовали. Понятно?

«Черные копатели» невнятно буркнули – подтвердили, что все понятно.

– Пару стволов поржавее сдадим в придачу. Пускай участковый себе галочку для очередной звездочки поставит.

– За стволы – жаба душит. Это ж бабки живые, – голос принадлежал «борову».

– Ничё, накопает еще, – успокоил того «культурист»

Локис понимал, что его не то что не отпустят, а немедля пришибут. Теперь же у него появилась, по крайней мере, передышка. Валерку жалко до ужаса. Не смог ему помочь... Локис

волевым усилием выбросил из головы лишние переживания – за смерть друга может отомстить только живой друг, и лучше, чтобы он был на свободе.

«Странно, что-то долго не проверяют, неужели им не интересно, как я дышу, – подумал Локис. – Наверное, я здорово отрубился. Думают, что оглушили конкретно, или что я уже труп. Сдадут холодного, скажут, перестарались немного, зато обезвредили опасного преступника».

Локис осмотрелся. На полу находилась электроплитка. Воняла она просто невыносимо – какая-то сволочь отогревала над ней свои пятки. Морщась, Локис зубами сжал электровилку и подполз к розетке. Однако вставить электровилку в розетку удалось лишь с пятой попытки. Плита начала накаляться. «Значит, аккумуляторы дизелями подзаряжают. В принципе, неплохо у них тут все обустроено...» Локис перевернулся, приложил на спираль веревки, которыми были спутаны руки. Кулаки от спирали находились в считанных миллиметрах. Он терпел – и одновременно вызывал у себя транс злости. Когда злость убирает боль, остается только цель. Сейчас цель была освободиться, а потом цель – возмездие! Живая ткань намного сильнее неживой... Сколько прошло времени, Локис не засекал, руки получили ожог, но веревки в конце концов перегорели. Высвободить ноги с освобожденными руками уже несложно.

Локис встал, размялся, осторожно проверил дверь – она была заперта. Выбивать ее он не рискнул – а вдруг снаружи охранник со «шмайсером». Локис решил подождать. Консервным ножом он открыл латвийские шпроты, которые нашел на столе, и подкрепился.

Далекий шум заставил Локиса насторожиться. Потом, уже ближе, снаружи трейлера послышался звук двигателя подъехавшей машины.

Новый голос, очень осипший, судя по всему принадлежавший участковому, о котором говорили «черные копатели», отрывисто спросил:

– Другие свидетели есть?

– А что, четыре человека мало?

– А что у тебя с рожей?

– Вчера выпили... С Иваном поспорили... Что лучше покупать, «бумер» или «мерс». Начистили хари друг другу.

– Меньше бы пили, больше бы копали. И мне польза, и вам. Где он?

– Труп на реке... Мы его пытались откачать... Не получились. Мы же не медбратья. Там и оставили.

– А этот? – поинтересовался осипший.

– В трейлере. Но, может быть, он тоже это... того. Мы же его дубиной по голове огрели, – оправдывался «культурист».

– Щас посмотрим, – участковый подошел вплотную к металлической двери.

Локис понимал, что ему ничего хорошего не светит. По крайней мере, на данный момент. Его запрут в СИЗО. Начнут сваливать на его душу убийство Валерки. Нож, бляха муха, в аффекте он на самом деле все-таки хапнул. Доказывай, что он десантник, человек чести, не мог же он убить своего боевого товарища. А потом врачи скажут, что крыша у него клеманула, поспорили с коллегой, мол, куда пойти, направо или налево, вот и пырнул... Короче, дело дрянь и дрянью пахнет. Нужно решаться.

Локис встал за рукомойником. Приготовился.

Железная дверь «домика на колесах» открылась. Показалась рука с электрошокером – дубоватым, ментовским, а не таким удобным и легким, как у десантников. Следом в трейлер просунулась голова в милицейской фуражке...

Локис нанес удар точно в центр фуражки. Все-таки фуражка с натянутой тканью самортизирует удар, не даст убить ее обладателя.

Участковый уже без фуражки слетел с железных ступенек лестницы, приставленной к двери трейлера. Локис одним прыжком выскочил из «домика на колесах», выхватил элек-

трошокер у мента и всадил представителю правоохранительных органов разряд. Пока трещал синенький огонек, Локис успел осмотреться. Перед ним принимал боксерскую позу молодой и, судя по розовым щекам, пышущий здоровьем «черный копатель». Еще двое возвращались из лесу. Увидев десантника, они похватили лопаты и бросились на помощь своим «собратьям».

Локис, не поднимаясь, как был, в полуприсяде сделал вертушку, – выставив одну ногу, крутанулся волчком и сбил молодого. Тот ничего не успел сообразить, грохнулся головой о пригорок.

К этому моменту подоспели двое «черных копателей» с лопатами и начали рассекать воздух своими инструментами. Локис работал точно – держал дистанцию. Затем сделал на опережение ножницы, попав носком сапога в ухо тому, кто стоял справа. Слева махал лопатой «боров». Он свирепо и громко раздувал ноздри, под ними была видна недавно запекшаяся кровь. «Боров» заметил, что его дружбан вскрикнул и, держась правой рукой за голову, присел. Тогда он еще энергичнее замахал лопатой.

– Давай, толстозадый, ко мне! – крикнул «борову» Локис.

Тот, наоборот, отступил, бросил в десантника лопатой – попытался попасть железкой в голову – и быстро засеменял в кусты.

Локис спокойно увернулся от летящего орудия труда «черных копателей».

– Бля-а, Грубас, не ссы! – заорал «культурист».

Сам же «культурист», наблюдавший за всем издали, открыл деревянный ящик, который лежал на земле под колесами трейлера, и достал немецкий «парабеллум».

Локис понимал, что сейчас лучше отступить. В лесном пейзаже его взгляд выхватил еле заметную тропинку, петляющую вдоль речки. Что силы десантник рванул по ней.

«Культурист» бросился вслед за ним.

Раздался сухой шелчок. Ни «культурист», ни тем более Локис не поняли – выстрелил «парабеллум» или нет. Но все равно «культурист» продолжал преследовать десантника, то и дело нажимая на курок трофейного пистолета. Секундой раньше очухался «молодой» и пристроился за «культуристом». Вдогонку за десанником кинулся и третий, оглушенный на одно ухо, «черный копатель».

На берегу, тяжело бухая, работала мотопомпа. Один шланг-кишка всасывал черную воду, другой выплюхивал ее в грязную лужу. Локис, поравнявшись с мотопомпой, вырвал шланг из муфты и со всей силы сжал его, после чего направил этот «импровизированный брандсбойт» на своих преследователей. Прямо в лицо «культуристу». Мутная вода и грязь с мелким колючим песком ударила «культуриста» по глазам. Тот наклонился, закрыл лицо руками. Локис перенаправил плотную струю на «молодого», теперь она накрыла его. Сбитый с ног, «молодой» упал.

– Твою мать! – только и успел крикнуть третий преследователь. Он бежал последним и поэтому двигал ногами как можно быстрее. Не успев остановиться, он споткнулся о «молодого» и тоже упал. Его тут же с головы до ног окатил мощный напор грязной воды.

Словно мокрые и слепые щенки, «черные копатели» барахтались в грязной луже, нещадно поливаемые водой. Наконец, Локис отшвырнул шланг, сам бросился в речку, не очень широкую, и спокойно переплыл на другой берег.

6

Полковник ВДВ Белогуров стоял возле входа в укрытие. Он только что покинул свой штаб – небольшую комнатку с телефонами, с круглыми мониторами и прозрачной пластиковой картой, на которой была изображена береговая линия Балтийского моря. Вечерело. Пора было покидать командный пункт и отправляться домой – на служебную квартиру в небольшом военном городке в нескольких километрах от части береговой охраны.

В прямоугольной кобуре, висевшей на ремне Анатолия Ивановича, в судорогах забился мобильный телефон.

– Да, слушаю вас, Василий Петрович, – по номеру он догадался, кто звонит.

– Тебе особисты еще не звонили?

– Нет, – полковнику Белогурову очень не понравился тон полковника Заречного – очень официальный, очень настороженный.

– Сейчас позвонят. Вообще, я намерен это считать полной чушью, если бы...

– Что-то произошло? – встрепнулся Анатолий Иванович.

– Да, черт возьми. Милиция сообщила, что на реке Ульяновке – это далеко от высадки твоих ребят – найден труп. Предположительно одного из наших «диверсантов».

– Не может этого быть! – полковник Белогуров не мог поверить услышанному.

– Дело уже в прокуратуре. Там разбираются.

– Товарищ полковник, разрешите доложить, – перед Белогуровым вырос рядовой.

У него было крайне срочное донесение, раз он осмелился перебить разговор полковника по мобильному телефону.

– Спасибо, Василий Петрович, за информацию. Меня вызывают, – Белогуров прервал разговор с полковником пограничных войск. – Докладывайте, – сказал рядовому.

– Вас срочно к телефону.

Как полковник и догадался, звонили из ФСБ. Только что получено более чем странное известие. На берегу реки обнаружен труп молодого человека с ножевой раной... Теперь уже точно известно – сержанта спецназа ВДВ Валерия Алексеевича Пасечникова. Предполагаемый убийца был задержан местными законопослушными гражданами и передан милиции, но ему удалось уйти. По описаниям, убийца Пасечникова – его товарищ по оружию, старшина спецназа ВДВ Локис Владимир Олегович.

– Участковый очень обижен. Ваш подчиненный применил к нему свои отработанные профессиональные навыки, – было непонятно, шутит офицер ФСБ или говорит серьезно.

– Я полагаю, – уверенно говорил Анатолий Иванович в трубку, хотя в это время он пытался поймать нижней губой свой ус, – это недоразумение. Скоро все выяснится. За старшину Локиса я лично ручаюсь.

– Командир всегда несет ответственность за своих подопечных. Ждем вас в морге военного госпиталя на опознание, – сказали в трубке.

Пока армейский «уазик» мчался к Калининграду, Белогуров невидящим взглядом смотрел в окно. Курил. Полковник пытался вспомнить, как они подбирали состав, проверяли на психологическую совместимость. Никаких трений между Локисом и Пасечниковым замечено не было. Наоборот – у них всегда между собой существовала взаимовыручка и взаимопомощь. Ну да, была пара безобидных шуточек о Пасечникове, как о шкафе-крепком, да и бегал он характерно, чуть-чуть переваливаясь, широко расставляя руки и ноги – словно паук. Но парень никогда не обижался. У Локиса кличка была Медведь, сильный добряк, он не мог сорваться, нервы у него железные. Полковник Белогуров пребывал в полном недоумении. Серьезные ребята, десантники со стажем, у них задание... В принципе – простое. Бывали и потяжелей. И не те это люди, чтобы так себя вести! Полковник Заречный, кстати,

тоже недоумевает. Позже он перезвонил, поддержал – ребята из ВДВ хотя и соперники, но это же наши люди, вряд ли на такое способны!

В военном госпитале Белогурову дали халат. В сопровождении особистов его провели в секционный зал. На железном столе – никакого сомнения у Анатолия Ивановича не осталось – лежал сержант Пасечников. Белогуров на секунду приподнял и опустил простыню.

– Может, посмотрите повнимательней? – предложил особист.

– Нет. Не стоит. Это – он.

– Тогда пройдемте.

В кабинете главврача началась «беседа».

– Майор Драгунин, Игорь Александрович, – представился человек с усиками, голубыми маленькими глазками и аккуратной прической с челкой набок. Он был в штатском. Однако этот штатский темно-серый костюм казался военным френчем, – вот-вот на плечах проступят золотые звезды – такую выправку имел человек, который его носил.

– Откуда в последний раз был сигнал? – спросил Драгунин и любезно указал на пачку «Честерфильда», лежавшую на столе.

Полковник Белогуров взял сигарету. Драгунин поднес ему зажигалку.

Анатолий Иванович достал из внутреннего кармана электронную карту – такую же, как и у Локиса, и показал место, где он последний раз засек сигнал.

– Вот здесь.

– Вам не кажется, что Локис хотел избавиться от «маячка»? Там чрезвычайно заболоченная местность, – выдвинул предположение Драгунин.

– Нет, не кажется. У них было задание как можно сильнее запутать следы, – объяснил полковник.

– Извините, может быть, я задам неприятный для вас вопрос. Но все же... Как у Локиса было с головой? Не наблюдалось ли срывов? Не было ли серьезных травм? Девушка его случайно не бросала?

– Нет. У него великолепная характеристика, здоровье – лучше некуда. Я полностью уверен, что Локис не мог убить сержанта Пасечникова, – отвечал Анатолий Иванович.

– А вот рапорт участкового капитана милиции Георгия Михайловича Чергенцова, – майор достал из пластиковой папки пару листов формата А4.

По этому рапорту выходило, что все улики были налицо.

– Имеется нож с отпечатками пальцев вашего сержанта. Кстати, – Драгунин немного прищурился, – мы уже запросили его идентификационную карту и, знаете, «пальчики» совпали. Есть показания свидетелей. Мы обязаны официально поблагодарить ребят из военно-патриотического клуба, которые самоотверженно пытались задержать убийцу... Он же у вас – Брюс Ли, Чак Норис и Тарзан в одном лице. Разобрался с четырьмя физически крепкими мужиками-работягами. Милиционер – не в счет. И удрал.

Анатолий Иванович сдержанно улыбнулся.

– Может, не стоит его выгораживать? – предупредил майор Драгунин.

– Еще раз повторяю, я никоим образом не верю этому обвинению. Я за своих ребят ручаюсь головой, – продолжал настаивать на своем полковник Белогуров.

– Головой, – казалось, Драгунин посмотрел на Анатолия Ивановича с не очень хорошо скрытой иронией. – Ладно... У нас есть санкция военной прокуратуры на задержание старшины спецназа ВДВ Локиса Владимира Олеговича.

Особист достал из папки документ с резкой очерченной печатью.

Полковник Белогуров сделал знак рукой – мол, не надо ему это показывать, он и так верит.

– Надеюсь на ваше содействие, – глаза Драгунина стали до противного холодными. – Попытки к укрывательству мы будем отслеживать. Надеюсь, вместе? – он деланно улыбнулся.

- Так точно. Но я еще раз повторю, что Локис не...
- Да, – перебил Драгунин, – а где сейчас находится вторая группа?
- Примерно здесь, – полковник Белогуров второй раз открыл свою электронную карту.
- Так же в лесах и болотах?
- Так точно, двигается... двигалась параллельным маршрутом относительно первой, по направлению к заброшенному военному аэродрому, – обрисовал картину происходящего Белогуров.
- Связь с ними можно установить?
- По правилам учений – нет.
- Сейчас не до игр. Лучше бы им сообщить.
- К сожалению, такой возможности нет, – твердо сказал Анатолий Иванович.
- Хорошо, пускай они доигрывают эпизод до конца... – майор Драгунин, в принципе, и предполагал, что связь с группами отсутствует. – Пограничников и наших людей мы проинструктируем. Цели поиска остались те же, а вот содержание – кардинально изменилось. Вы все поняли, товарищ полковник?
- Так точно, товарищ майор.
- Можете быть свободны. Мы с вами свяжемся. А вы и сами не забывайте периодически связываться с нами, – Драгунин был более чем серьезен.

Глубокой ночью полковника спецназа ВДВ Анатолия Ивановича Белогурова доставили на его служебную квартиру – в военном городке на побережье. Несмотря на столь поздний час и на то обстоятельство, что его мобильный телефон уже, конечно, поставили на прослушку, он переговорил с полковником пограничных войск Заречным. Тот тоже не мог поверить в случившееся, но, как говорится, приказ не обсуждается. Полковник Заречный то ли в шутку, то ли всерьез понадеялся, что Локис не покалечит его храбрых погранцов. И, в свою очередь, заверил, что его подчиненные постараются не стрелять на поражение.

Анатолий Иванович Белогуров этой ночью смог заснуть только под утро, и то после двухсот граммов «Апшерона».

7

Старшина спецназа ВДВ Иван Фомичевых и младший сержант Дмитрий Шимаченков – вторая группа «ряженных диверсантов» – в ускоренном темпе двигались по направлению к Железнодорожному, забирая сильно на юго-запад. Их задачей было отвести преследователей от Локиса и Пасечникова. По легенде – их «выкинули» из Литвы, но объект их развед деятельности находится ближе к Польше. Ведь если обнаружат место «перехода» ими границы, то скорее всего «в ружье» поставят именно ближайшие военчасти. Поэтому группам необходимо было как можно быстрее пересечь Калининградскую область, попасть в «нелогичную зону» – где их никто не ждет или, по крайней мере, сомневается, что они могут в скором времени появиться именно там. При этом группам необходимо основательно попетлять и запутать следы.

Старшина Фомичевых и младший сержант Шимаченков, в отличие от группы Локиса, не так сильно шарахались от увиденных машин, спрашивали дорогу у местных и спокойно разговаривали между собой. И темп при этом не теряли. И осторожность – тоже. Гибэдэдэшные и ваишные автомобили и подозрительные машины – например, грузовик со снятым колесом у обочины, иномарки с затемненными стеклами, припаркованные на санитарных стоянках – обходили стороной.

– Ложись! – скомандовал старшина Фомичев.

Они вжались в землю примерно метрах в трех от проселочной дороги.

Сквозь лес, урча и переваливаясь из стороны в сторону, на хорошей скорости прогрохотал «ГАЗ-66». В кузове, обтянутом брезентом, сидели бойцы-пограничники в полной экипировке.

Машина подскакивала, бойцы кивали зелеными касками, бились ими о стволы начищенных «калашниковых».

За одним грузовиком прошел второй. Машины обдали залегших десантников с ног до головы сухой летней пылью.

– Странно... А зачем каски, – удивился Шимаченков, – мы же безоружные.

– Шима, мы с тобой коварные и безжалостные диверсанты. Карманы у нас – полные гранат, – попробовал пошутить Фомичевых.

– Медведь здорово придумал. Мы повсюду светимся, а они прямиком на аэродром, – Шимаченков по-приятельски назвал Локиса так, как его называли в части.

– Для учений – здорово, – ответил Фомичевых. – А если честно, то мы с тобой жертвы. В настоящих боевых действиях так с товарищами не поступают, – старшина то ли шутил, то ли говорил всерьез. – Нас как пить дать выловят.

– Да брось, если всех «накручивать» как надо, то ничего нас не выловят. Мне, наоборот, наша задача больше нравится. У них – скукота. Прийти, щелкнуть фотоаппаратом, передать – и все. – Шимаченков цыкнул губами. – А у нас – полная импровизация. Сказать одному местному, что мы такие разэтакие орнитологи, идем туда, в болото, смотреть на цапель, а самим махнуть через поле в другую сторону. Или перед ментами рисануться и смыться.

– Тебе просто нравится всем мозги пудрить. По мне так – получил задание, уясни конкретно, как и что делать, вот и делай, как положено, – сказал старшина.

– Фомич, никакой у тебя романтики.

– Романтика на гражданке, а на службе – служба.

Фомичевых и Шимаченков вышли к мосту. Старшина достал бинокль. Приложил его к глазам.

– Уже блок посты с ментами поставили.

К мосту подъехал «пазик» с сельскими жителями. Сержант ГИБДД махнул полосатой палочкой. Отдал честь водителю. Тот открыл переднюю дверку. Еще два милиционера по очереди вскочили на подножку и буквально вбежали в салон автобуса. Что-то резко сказали. Пассажиры зашевелились, начали шарить по своим карманам, сумкам, показывать документы.

– Началось, – прошептал старшина Фомичевых.

– Началось, – другим, более воодушевленным, тоном произнес младший сержант Шимаченков. – Слушай, Фомич, есть идея.

Два «диверстанта» вернулись к проселочной дороге. Выбрали подходящее место – возле пригорка. Подождали некоторое время... Пропустили «Москвич-412» без номеров, набитый подростками, четверых мотоциклистов, куда-то спешащих на «Явах», трактор «Беларус» с грязным, весь в навозе, прицепом.

– Вот, – шепнул Шимаченков, – это то, что надо.

По проселку ехал грузовик – «ЗИЛ 130», набитый соломой.

Шимаченков выскочил перед его капотом, замахал руками, то и дело складывая их над головой крест-накрест.

Водитель нажал на тормоз.

– Холера, куды лезешь! – выругался совхозник через открытое окно.

– Земеля, куда едешь? – прикинулся дурачком младший сержант. Он подбежал к кабине.

– Прямо, – махнул рукой водитель и поддал газу. Под капотом с металлическим звоном заурчало.

– Дядька, ты в армии служил?

– Ну, служил. Знаешь... это самое... – водитель задумался... – В Казахстане.

– В Казахстане и мой дед служил.

– Там зимой, знаешь... холодно, а летом... Вот если, к примеру, как сейчас... – ударился было в воспоминания водитель «Зилка».

– Умирали бы от жары.

– Да... Это самое...

Водила мозолистыми и коричневыми от мазута руками достал пачку «Астры» – предложил Шимаченкову.

Тот взял – сигареты были без фильтра, – прикурил, сделал пару затяжек.

– Тут у нас учения идут, – сказал он. – Мне пакет нужно доставить... В Гусев. Подвези.

Водитель курил, но в кабину не приглашал. Хитро шурился, смотрел на Шимаченкова. Младший сержант изобразил на лице доверительное выражение. Водила отметил, что у того форма полувоенная, без оружия. Опасаться, в принципе, нечего. Если чего – монтировка под сиденьем.

– Там ментов много. Проверку устроили, – медленно сказал водила.

– Меня ищут, – гордо выпалил Шимаченков и улыбнулся. – Вот этот пакет. – Он достал из-за пазухи синий пакет. – Только ты никому не говори.

Водила как-то просиял – может, вспомнил детство, своих дворовых дружков, игравших в войнушку, – и согласился:

– Давай в кузов. Только, это самое, сигарету брось. Солому везу...

В боковом зеркале водила проследил, что парень забрался в кузов. С металлодробительным рыком совхозник вставил рычаг скорости. Грузовик затрясся и покатиł дальше по проселочной дороге.

8

Слева и справа была то береза, то осина... То елка, то палка сухая под ногой. Смешанные леса, перерытые канавами, бывшими каналами, затопленные болотами. Встречались разбитые старые дома, где когда-то жили лесничие-отшельники, фермеры-хуторяне. Локис шел напролом, по валежнику, по бурелому. Его актуальной задачей было как можно дальше отойти от трейлера, забуриться в глушь. Он не чувствовал, что сильно уж перенервничал, когда вступил в стычку с «черными копателями». Самое неприятное ощущение вызывало воспоминание сухого щелчка за спиной, который издавал «парабеллум» в руках «культуриста». А так, он действовал четко, наверняка и главное – быстро. Прижал противника к земле – в данном случае положил мудаков в лужу, и ушел. Сейчас эти события отходили у него на дальний план, просыпалась боль в затылке от удара колом, начинала печь обожженная рука.

Локис проверил карманы. Ничего не было – ни аптечки, ни электронной карты, ни бинокля, ни ножа, ни электрошокера. А электрошокер мента он выбросил возле мотопомпы.

«Черт, – подумал он, – на нем тоже остались мои отпечатки. Менты то, что их бьешь их же оружием, – не прощают».

В карманах чудом остался закамуфлированный под дешевую зажигалку фотоаппарат. Хоть маленький, но зоркость у него достаточная. Вращаешь колесико – увеличивается зуммер. Чудо шпионской техники. Эфэсбэшники одолжили, не поскупились. Хотя вроде это уже устаревшая модель.

На просеке росли цветы – тысячелистники. Локис остановился, нарвал букетик. Отгрыз каждому цветку «голову», выдавил из стебельков зеленый густой сок, смазал им обожженные руки. На заброшенной дороге нашел подорожник. Приложил его прохладные листья к ожогам.

Теперь Локис передвигался более осторожно, еще более изощренно путал следы, чаще ступал сапогами в болотную жижу. Шел вперед, потом пятился назад, стараясь попасть точно в свой след, иногда с места как можно подальше отпрыгивал, шел в другую сторону, кружил по расходящейся спирали... Даже у самой умной собаки от такой «чехарды», которую вытворял со своими следами старшина спецназа ВДВ Локис Владимир Олегович, должны были мозги если не закипеть, то уж точно свихнуться. Кроме того, обнаружив в лесу помет, лосинный или какого-нибудь другого зверья, Локис, совершенно не морщась, хорошенько обмазывал им подошву сапог.

Пока он совершал все эти для него вполне незамысловатые действия – для десантника это нормальный рабочий момент, школа выживания, «начальные классы», – на ходу прикидывал, что ему делать дальше:

«Озлобленный мент, конечно же, повсюду раструбил, что скрылся опасный преступник. Отпечатки на ноже и на шокере работают против меня. Мою личность давно идентифицировали. Развернули поиски. И если сейчас найдут, не важно кто – погранцы, эфэсбэшники, не говоря о ментах, – то сразу же „закроют“. Пока буду сидеть под замком – столько воды утечет. Доказать, что я не убийца, надеюсь, эксперты смогут. Но сколько времени на это понадобится...»

Впрочем, о перспективе попасть в руки погранцам или сотрудникам ФСБ (конечно, не «ментам») он уже думал в трейлере. Поэтому возможность добровольной сдачи себя он даже не рассматривал. А с другой стороны, куда же деваться? Не вечно же быть в бегах? Может, самому попробовать достать этих «могилокопателей»? Вывести их на чистую воду и отдать «органам», а потом следаки разберутся, кто прав, а кто виноват. Конечно, он понимал, что одному в неизвестной местности, в неизвестном ему городе, когда за ним охотятся целыми воинскими частями, произвести собственное расследование задача почти нереальная.

Локис представил себе полковника Белогурова. Представил, как Анатолий Иванович грызет свой ус, пыхтит, краснеет от гнева, курит одну за другой сигарету. «Анатолий Иванович боевой офицер, он никогда не поверил бы, что ни с того ни с сего его боец, которому он полностью доверял, зарезал другого его бойца, – рассуждал Локис, – и притом во время ответственной, приближенной к боевой операции. В принципе, я бы и сам никогда в этот бред не поверил: Так, а что бы я сделал, если бы у меня случилась такая ситуация с моим подчиненным? – думал Локис. – Первым делом я захотел бы сам, с глазу на глаз, без посторонних, с ним потолковать, выяснить что к чему. А как это сделать? Наверняка Анатолия Ивановича уже предупредили, что меня разыскивают, что я главный подозреваемый в убийстве. Кроме того, к нему тоже – сто процентов – приставили тихарей. Таким, как он, боевым офицерам особисты не очень-то доверяют. Такие, как Анатолий Иванович, чтят честь своего мундира и не станут сотрудничать с ними. А значит, полковник Белогуров, в свою очередь, не доверяет им. И что же из этого следует? Анатолий Иванович не сдаст им „контрольную точку“ и наших ребят „шпионов“, которые на эту точку выйдут. Поэтому сейчас он их, законспирированных в Калининграде, ожидающих сигнала о встрече, трогать не будет, чтобы их не цепанули эфэсбэшники... Анатолий Иванович, конечно, понимает, что мне некуда податься и только мой выход на них – это шанс ему поговорить со мной, может быть, и помочь мне».

Проблема была в том, что Локис также не знал своих связников – это было сделано для чистоты эксперимента. Паролем для «распознавания» были те самые фотографии аэродрома, которые его группа должна была сделать. Если фотографий в условленном месте не было или были какие-нибудь не те – «левые» фотки, подкинутые пограницами, – то связники на личную встречу не выходят...

Все умозаключения, которые возникали в голове Локиса во время бега, ориентирования на местности, обработки ран, приводили его к одному и тому же выводу – ему необходимо продолжать выполнение задачи, то есть идти на аэродром, фотографировать объект и выходить на ребят-«шпионов» в Калининграде. А они уже выведут его на полковника Белогурова. Дальше все разъяснится.

Сомнения рассеялись окончательно. Старшина спецназа ВДВ Владимир Локис в одиночку продолжал выполнять задание, тем более для него никто его не отменял.

Локис по памяти восстановил маршрут следования – представил карту, схему дорог. По солнцу, мху на деревьях, немного погода и по указателям на шоссе – определил место своего нахождения. Аэродром должен был быть совсем неподалеку.

На дороге старшина заметил продвижение колонны с вооруженными солдатами, было ясно, что искали его. Локис быстро и бесшумно углубился в лес.

9

Микроавтобус, петляя по лесным дорогам, переваливаясь словно утка на ухабах, иногда буксуя в черных лужах, проползая брюхом по грязи между колеями, выехал на берег реки Прохладной.

– Это место, в отличие от других, настоящий Клондайк, – Антон обращался к Николаю Прокопьевичу.

– Тебя послушать, каждое новое место – золотое дно и алмазная жила, – буркнул в ответ Николай Прокопьевич.

Ему не очень нравилось выезжать с братом на «полевые раскопки». Возиться сдохлыми мухами – одно, а с человеческими останками – это совсем другое. Это противоречило его натуре. Если бы не большие деньги, которые мог принести скелет фашиста, то Николай Прокопьевич постарался бы увернуться от предложенной братом работы.

– Вон и мои орлы.

Сидевший за рулем Антон остановил микроавтобус и кивком головы указал в сторону речки.

– Копают берег Чечёра Экскаваторщик и Грубас Робокот. Они не в курсе. Это просто рабочая сила. Бери больше, кидай дальше.

– Что за имя – Чечёра? – удивленно спросил Николай Прокопьевич.

– На хер мне его имя. За бутылку копает, как бешеный. Даже не видит, что в земле лежит. На три метра вокруг себя разметает любые недры. Глина не глина, камень не камень. Правда, столько ценных предметов перемалывает. Когда говорим ему, ты чё, не видишь? Отвечает: чё да чё... В общем, Чечёра.

– Экскаваторщик – потому что так хорошо копает?

– Нет – бульдозером умеет управлять.

– Д-а, понятно, – протянул Николай Прокопьевич. – А Грубас?

– Папа у него поляк, был. В Польшу от его мамы сбежал. Говорят, он его Робертом назвал. Поэтому Робокот – Роберт копатель. А грубас – по-польски – толстый. Видишь, какой жирдяй. Ленивый. Всегда подгонять нужно. Давно бы погнал его взашей. Да как-то все жалко. – Антон поковырял спичкой в зубах – по дороге, за рулем, он съел пару бутербродов с колбасой, жилка застряла между зубами. – А вон еще один, – Антон показал на резиновую лодку, что плавала на середине реки.

Парень с маской и каким-то прибором в руке приподнялся, наклонился за борт лодки и плюхнулся в реку. По темной воде пошли круги.

– Этот в курсах, – сообщил Антон. – Молодой, головастый. Веник Огнемечик.

– Почему Веник? – Николай Прокопьевич чувствовал себя намного старше каждого из этой гробокопательной братии. Он никогда не любил клички. Как-то это не солидно. Тем более для мастера – почти ювелира, каким он себя считал: имя и фамилия – это клеймо и знак качества. Николай Прокопьевич Скорняшко, конечно, не Фаберже, но он уже прикидывал, как с помощью раздобытых средств от костей фрица переоборудует мастерскую и увеличит ассортимент своих произведений.

– А Веник... Потому что Вениамин. Огнемечик... Маленький мальчик нашел огнемеч. Теперь шашлыки он бесплатно жует... Откопал фашистский огнемеч и починил. Радовался, как ребенок, поджаривал, что ни попадя, чуть поляну к чертям не выжег. Бывший студент. В компьютерах шарит. По Интернету лазит. В общем, помог мне кое в чем. Надеется, что я ему по-честному заплачу... Придется поделиться. О настоящей цене догадывается, но мы, – Антон улыбнулся брату, – настоящую ему не скажем. Честно признаюсь, он мне нужен. Вер-

нее, его идеи. Говорит, в этом месте на реке должно что-то быть. Грандиозное. Вон видишь, с металлоискателем и эхолотом ныряет.

– А как тебя кличут? – спросил Николай Прокопьевич.

– Да так же, как есть. Антон Прокопыч. Ничего и выдумывать не надо – Копай Прокопыч, прокопай, Прокопыч.

– И что ты мне предлагаешь делать?

– Идем. Здорово работаю! – крикнул Антон «черным копателям».

– Здорово, Прокопыч, – откликнулись Грубас Робокот и Чечёра Экскаваторщик.

Грубас тут же разогнулся, оперся на черенок лопаты и стал вглядываться в фигуры приезжих. Делал он это долго и внимательно.

– Давай-давай, продолжай, – прикрикнул на него Антон.

Братья зашли в туристический трейлер, стоявший на берегу. Из-под кухонного шкафчика Антон достал ноутбук. Включил. Загорелся экран. Антон кликнул на иконку с нарисованным зеленым глазом, которая высвечивалась в центре экрана. Открылась черно-белая фотография.

Немец средних лет в форме полковника Вермахта. Лицо мужественное, но довольно топорное – квадратный лоб, квадратный подбородок, длинный прямой нос. Белые невидимые брови и ресницы. На мундире – крест. Взгляд надменный.

Вторая фотография – он же, вытянувшись в струнку со вскинутой рукой. Рядом какие-то высокие чины. Перед ними стол с бутылками вина и богатой закуской.

– Празднуют, суки, день рождения Гитлера, – объяснил Антон. – Есть надпись на обороте фотографии – апрель 1942 год, – а теперь эта черепушка здесь. – Он вытащил черный мешок, потряс им.

В мешке что-то «костно» хрустнуло, словно тюкнулись два бильярдных шара.

Николаю Прокопьевичу стало не по себе.

– Шишка довольно большая, и как я уже говорил – дворянин.

Антон закрыл фотографии фашиста, кликнул на соседнюю иконку.

На экране появилась пожилая дама с острыми чертами лица, круглыми голубыми и чрезвычайно печальными глазами. У нее был маленький рот с тонкими губами, которые она, в силу своего характера, научилась в случае надобности крепко держать на замке. Чувствовалось, что ей довелось многое пережить, но свою самую дорогую ценность – дворянскую гордость – она ни на йоту не утратила.

– Это его жена. Еще жива. Баронесса.

Под фотоизображением была надпись:

«Engelberta von Pfeifelhoff»

– Энгельберта фон Пфайфельгофф, – Антон не прочитал, а заученно правильно произнес.

Прокопыч закрыл фотографию баронессы и кликнул еще на одну иконку.

Всплыл портрет примерно пятидесятилетнего немца. Сразу было видно, что это сын женщины с предыдущего портрета. Черты лица, как у матери. Однако взглядом, расположением бровей, сжатостью губ и общим своим видом напоминал того фашистского полковника.

– Сын, наследник. Богач. Даже по немецким меркам. Понятно, что ему как дворянину память о папике – армейском офицере, который начал свою службу еще до Гитлера – святая.

Под фотографией стояло «FFFFF»

– Видишь, как выпендривается, подписывается кренделями. Нашел я его – Фердинанд фон Пфайфельгофф. Типа круто – пять «фэ» в его дворянском имени и фамилии. Я думал – должно быть шесть. Но этот «фон» не считается и у них пишется по-другому. Немцы вообще вольтанутые, зачем одно и то же «фэ» разными буквами обозначать...

– Да-а... Серьезно... Это очень серьезно, – протянул Николай Прокопьевич.

– И бабки обещают быть серьезными, – от удовольствия потирая руки сказал Антон. – Через три дня сын и жена приезжают. Вероника должна их встретить. А мы их привезем сюда, на место его гибели. Они хотят посмотреть, где и как он пал на поле боя. При них надо его достать – условие, чтобы аккуратно все было, с марлечками, тряпочками, кисточками, как на археологических раскопках. Этим займемся ты, я и, может быть, еще Веник Огнеметчик. Насчет него, я еще подумаю.

– Как это достать? – удивился Николай Прокопьевич, – Ты уже его достал – он же в мешке.

– Слушай сюда. Пришлось его выкопать. Наши грохнули его в другом месте – на берегу реки Ульяновки. Однако там из-за этих, помнишь, я тебе говорил, не то туристов, не то бежавших солдат, менты и эфэсбэшники крутятся. Туда немцев нельзя. Мы пойдем, похороним его тут. Положим в позу, как будто он здесь на пулю нарвался. Тут тоже неслабый бой был. Потом при них как бы заново и откопаем.

– Я же этим ни разу не занимался! – взвился Николай Прокопьевич.

– Ради таких бабок – позанимаешься. Не делиться же мне с этими ханыгами, – Антон кивнул в сторону Чечёры Эскаваторщика и Грубаса Робокопа.

– Так что там, на Ульяновке, все-таки произошло? – насторожился Николай Прокопьевич.

– Мудак с ножом накинулся на другого мудака. Мы хотели разнять, но не успели. И, понимаешь, все это на территории наших раскопок. Падлы. Никто их не трогал. Объявились вдруг, давай понты раскидывать.

– А ты точно в этом не замешан? – Николай Прокопьевич почувствовал, как у него в душе зародилось нехорошее предчувствие.

– Да пошел ты! – неподдельно возмущился Антон. – Участковый все разузнал. Отпечатки пальцев мутили есть на ноже – орудии убийства, они сняты и заверены. Уже морда этого уродца на каждом столбе во всех деревнях развешана. Конечно, в свидетели меня и всех этих запрыгут. Я не спорю. Пускай бы этот козел подольше побегал. Или еще пусть бы лучше сдох в этих болотах. А то теперь ходи из-за него, показания давай. Мы, покамест, свое дело бы сделали. Может, там и перебрались бы в более солнечную страну.

Входная дверь «домика на колесах» открылась. В просвете показался Веник Огнеметчик. Полотенцем он вытирал свои кудрявые русые волосы.

– Я его нашел...

– Что? Еще один фриц? – спросил Антон.

– Нет, круче, – загадочно улыбнулся Веник Огнеметчик.

– Да, ладно тебе, что может быть круче этого фрица? – не поверил Прокопыч.

– Фриц, как говорится, это уже пройденный этап. Пять тыщенок евриков, – Веник Огнеметчик выделил тоном слово «пять», – у нас в кармане.

– Откуда ты знаешь? Фашистенок сказал, что вначале задаток, а полный расчет – только в Германии, и только после полного анализа ДНК.

– Полный анализ ДНК у него уже есть. По тем крошкам, которые ты им подсунул, они уже его сделали, – Веник Огнеметчик перестал натирать свою голову полотенцем, повесил его на косяк двери.

– Как ты это узнал? – забеспокоился Антон.

– Друзья помогли. Научили меня, как вскрыть его электронный ящик. Этот евромиллионер – полный чайник в компьютерах. Хотя он и не миллионер... Так, деньжата водятся... Ему сообщили, что это на самом деле кости его фатера.

– От, блин, фриц, вот, блин, жулик... – зарычал от злости Антон.

– Фификус, – ни с того ни с сего произнес Николай Прокопьевич.

– Что? – переспросил Антон.

– Не фификус, – поправил Николая Прокопьевича Веник Огнетчик, – а, если выражаться по-немецки точнее, – пфиффикус – пройдоха по-нашему, то есть сволота.

– Да заткнись ты, фикус-пикус... Немецкая сука он... Вот он кто! Говорил, для предварительного анализа ему нужна всего лишь «горстка праха отца»... А для полного – уже целые кости... Гаденыш... Надурить хотел... Даст задаток, три копейки, вывезет папашку в Германию, а потом хер нам покажет. От, блин, жучара... – возмущался Антон, – а еще бундэс фээргэшный с дворянской честью...

– Во всем мире анализ ДНК научились снимать с одного волоска, – ухмыльнулся Веник Огнетчик. – На того фрица мы могли бы в «общество» пожаловаться. Пятерку так и так получили бы...

– Блин, пятерку... – раздосадовал Антон, но осекся... – Эту пятерку еще выудить надо.

– Да ладно, успокойся. У меня другая идея есть, – воодушевленно произнес Веник Огнетчик.

– Да ну, блин, у тебя идей в башке, как головастика в теплой луже, – раздраженно сказал Антон.

– Знаете, что я обнаружил на дне речки?

Веник Огнетчик шагнул к висевшему на вывернутом шурупе джинсовому комбинеzonу, засунул руку в карман и достал из него мобильный телефон. Парень включил блютуз, подошел к ноутбуку, врубил Интернет и набрал «Яндэкс.ру»...

– Это хорошо, что ты догадался вскрыть его писанину. Это хорошо... – заикнулся Антон.

Николай Прокопьевич украдкой поглядел на черный полиэтиленовый мешок, в котором находились кости фрица. Когда в трейлер вошел Веник Огнетчик, Антон ногой закинул этот мешок под свою табуретку. Николай Прокопьевич с ужасом и брезгливостью представлял, как будет закапывать останки фрица. А потом откапывать их перед старушкой-баронессой.

– Посмотрите сюда, – сказал Веник Огнетчик.

Антон и Николай Прокопьевич глянули на экран.

– На моем эхолоте я засек именно его, – довольная физиономия Веника Огнетчика просто сияла.

– Так ведь это... – воскликнул Николай Прокопьевич.

– Да-да, – кивнул Веник Огнетчик.

– Что это? – недоверчиво скривился Антон. – А ты откуда знаешь? – спросил он у брата.

– В свое время я интересовался техникой Второй мировой войны, – Николай Прокопьевич наконец-то почувствовал, что он может знать что-то лучше, чем его брат.

– Да, да! – подтвердил Веник Огнетчик, – Это он... И таких почти не осталось. Знаешь, за сколько его можно загнать? Если, конечно, удастся вывезти...

– Короче, – перебил его Антон, – может быть, твоя идея и неплоха:

– Сейчас Антону было не до новых прожектов неугомонного Веника Огнетчика. Ему необходимо было как можно быстрее сбавить его с глаз долой и заняться с братом насущным делом.

– Бери Грубаса и Чечёру, – резко сказал он Венику Огнетчику, – подготавливайте берег. Скопайте его... Сделайте пологим. Прикинь, куда лучше бульдозер подогнать... Ну, ты сам знаешь, что делать. Что я объясняю... А мы тем временем с братом прогуляемся по лесочку. Кое-что еще посмотреть надо.

– Да что там смотреть. Я уже тут все осмотрел. Все интересное не в лесу, а на реке, – с видом знатока ответил Веник Огнетчик.

– Может быть, ты что-нибудь просмотрел. Давай, организовывай трудяг, – Антон чуть ли не грудью выставил Веника Огнетчика из «домика на колесах».

– Эй, Робокон... Чечёра... Бросай копать, идите сюда... – крикнул Веник Огнетчик и замахал руками. – Грубас, блин, я не говорил, чтобы ты бросал лопату...

Антон наблюдал за ними через окно в трейлере. И когда трое «черных копателей» наконец отправились подальше к берегу реки, он сказал Николаю Прокопьевичу:

– Давай, брат, бери мешок и пойдем.

– Мне это нести? – замялся Николай Прокопьевич.

– Если я понесу, то Веник догадается, что в мешке, а так подумает, что я тебя буду учить поверхностную разведку производить.

В мешок с костями фрица Антон бросил две лопаты и мотыжку.

– Ты что? – возмутился Николай Прокопьевич. – Ты же все его кости переломаешь.

– Да они и так все растружены. Фиг с ними. В черепае во такая дырища, – показал он на своей голове и заржал.

– Иди ты... – плюнул Николай Прокопьевич.

Они вышли из трейлера и огляделись по сторонам.

«Черные копатели» шурудили лопатами возле берега. Веник Огнетчик, конечно же, подозрительно глянул в сторону братьев. Однако, увидев мешок с торчащими из него инструментами, как и рассчитывал Антон, парень успокоился.

Его взгляд перехватил младший из Прокопычей.

– Умный, зараза. Перепрячем кости, он будет сговорчивее. Согласится на наши условия. Правильно думаю? – спросил Антон у Николая Прокопьевича.

– Ты его лучше знаешь. Это ваши дела.

– Теперь это и твое дело. Наше семейное.

Братья обогнули «домик на колесах» и направились в лес. Отошли от лагеря метров на шестьдесят.

– Стоп, под этой елкой его и закопаем...

– Давай чуть-чуть дальше, там более живописный холмик, – предложил Антон.

– Да какая разница, мы же не склеп собираемся ему строить.

– Не скажи. Старушка баронесса увидит красоту, прослезится. Может, и торговаться не станет.

– Ладно. Под холмиком, может, оно и лучше. Как будто приподнялся неосмотрительно, пулю в лоб получил и свалился, – согласился с братом Николай Прокопьевич.

Мужчины вырыли яму – неровную и не очень глубокую. Положили кости – придали скелету нелепую позу – как будто человек упал с небольшой высоты. Николай Прокопьевич работал в перчатках, медленно раскладывая и перекладывая останки. Силой воли он сдерживал брезгливость, ему казалось, что он ужасно кощунствует, дотрагиваясь до костей усопшего. Пусть и фашиста. Антон работал голыми руками – давно ко всему привычный.

Наконец братья сделали дело и засыпали яму. Николай Прокопьевич аккуратно заложил ее дерном.

– Да не старайся ты. Я же предупредил, что мы раскапывали и следили за этим местом.

10

«ЗИЛ-130», груженный соломой, задрал передний бампер, выехал на заасфальтированную дорогу. Водитель крутанул баранку, прибавил газку. Встречный ветер сдул с кузова соломенные крошки, подхватил целый ворох сухих стеблей, устлал ими проезжую часть. В зеркале заднего вида боковым зрением водитель увидел желтую тучу, но не придал этому никакого значения. Он выровнял машину, вставил третью передачу, потом четвертую. «Зил» набрал крейсерскую скорость и покатил в направлении Черняховска.

Километров через пять перед знаком «Впереди опасный поворот» «ЗИЛ» тормознули гибэдэдэшники с «калашниковыми» на груди.

– Сержант милиции Гавриленко, – представился милиционер. У него были седые усы и виски, хотя сам он выглядел молодо.

– Здорово, Пашка, – сказал водитель.

– Здорово, Викентий. Один едешь?

– Это самое, Пашка... Один... А что такое?

– Дезертир сбежал... У погранцов. Может быть опасен – вооружен.

– Это... значит, Пашка... – зашептал Викентий. – Тамака... Я его в кузов-то не пустил.

– Понятно... – он махнул двум милиционерам, которые стояли с напряженными лицами возле синей «Лады».

Мент с автоматом наперевес бесшумно приблизился к кузову. Викентий выпрыгнул из кабины, побежал вдоль дороги так, чтобы в случае чего кабина «Зилка» его прикрывала, потом сиганул в сторону, быстро спустился с откоса и оттуда, с безопасного расстояния, начал наблюдать за происходящим.

– Чё он? – шепнул один из ментов, имея в виду побег водителя.

– Да черт с ним, – ответил другой.

– Выходи из кузова с поднятыми руками, – громко сказал гибэдэдэшник Пашка. Секунду спустя про себя подумал – а как же он выйдет из кузова – и поправился. – А-ну, вылезай! Мать твою!

Все три мента пригнулись в ожидании того, что сейчас в их сторону из соломы раздадутся выстрелы.

Но выстрелов не последовало.

– Младший сержант Куропай, проверьте кузов! – скомандовал Пашка.

Двое милиционеров подсадили Куропая, тот вжал голову в плечи, чтобы она не высовывалась из-за бортика, взялся за его край руками и прислушался. В кузове было тихо. Тогда младший сержант Куропай осмелился подтянуться на руках, схватившись за борт, сделал выход с силой и повалился в солому. После проделанной процедуры Куропай приподнял голову, сдул с глаза стебель соломы.

– Товарищ сержант, тут никого.

– Ты это, в соломе покопайся.

Куропай передернул затвор и прошил короткой очередью стог соломы. Пули раздробили в щепы доску противоположного борта и днища.

Водитель вжал голову в плечи, быстро отступил от греха подальше в лесок. Вдруг сейчас бабахнет. Повезло – пули в бензобак не попали.

– Ты что? – заорал Пашка на Куропая.

– Ну так, это, чтобы наверняка, – ответил он.

– Ты ж не на войне, дурило. Отставить стрелять!

Пашка сам залез в кузов. Потом залез и третий гибэдэдэшник.

Сапогами, стволами «калашей» они разгребали солому.

Вроде бы в соломе кто-то раньше лежал – как будто в норе.

– Смотрите, – Куропай указал мушкой своего «калашникова» на блестящую пуговицу. Она была военного образца, со звездочкой.

– Да, он здесь точно был... – подтвердил третий мент. Он внимательно осматривал смачный человеческий плевок.

– Ушел гад! – буркнул Куропай. – Почувствовал засаду, и ушел!

– Эй, Викентий, иди сюда! – Пашка спрыгнул с кузова.

– Да я ничего не знаю. Мужик какой-то попросил подвезти, – издалека громко ответил Викентий. – Говорил, что в Казахстане служил...

– Подойди, подойди.

Викентий нехотя приблизился к сержанту, не зная, что сделать со своими руками, не то поднять, не то за спину заложить.

– Это он? – Пашка достал из нагрудного кармана фотоснимок Локиса и показал Викентию.

– Это самое, – водитель «Зилка» почесал затылок. – Я-то без очков... Помню не ясно.

– Как это помню не ясно? – грозно сказал Пашка.

– Смутно. Вижу я не очень-то.

– Как это вижу не очень? Ты же за рулем! – удивился Пашка.

– За рулем-то, за рулем... это я по-привычке.

– Викентий, ты мне шутки не шути... А то права сейчас свои мне подаришь...

– Кажись, он. Точно, – резко вспомнил Викентий, – белобрысый, такой же.

– Ладно, как ты ехал? – спросил Пашка.

– По проселку, вот сейчас, первым отсюда влево. Потом выехал на дорогу. Солому, ото самое, с лужков за поймой собрали, – начал объяснения совхозник.

– Ладно, можешь ехать, – махнул на него рукой Пашка.

Сержант дважды дунул в рацию и отчетливо передал информацию о том, что подозреваемого видели в таком-то районе.

– Это самое, – Викентий посмотрел на расщепленный борт кузова, – а что мне с этим-то делать?

– Поезжай, поезжай, – сказал Куропай. – Это... Скажешь, мол, в боевых действиях поучаствовал.

– Форс-мажорные обстоятельства, – сказал третий гибэдэдэшник...

– Какой, блин, тут форс, это самое... – проворчал Викентий. – Никакого форсу, беда одна, – взялся он за голову.

– Не мешай работать, – грозно сказал Куропай.

Матерясь на чем свет стоит, Викентий забрался в кабину своей машины и завел мотор.

Раненый «зилка» заморгал левым поворотником, вырулил на дорогу и, мерно урча, поехал сдавать солому в совхоз...

– Мужики, нам благодарность, – весело сообщил Пашка. – Приказали быть начеку, но не высовываться. Основные поиски перенесут в наш квадрат.

– Вертушку поднимут? – спросил Куропай.

– Должны, – ответил Пашка.

– Пошли в машину, – предложил третий. – Мне жена термос с кофе и бутерброды приготовила. Позавтракаем заодно.

Трое гаишников влезли в казенный автомобиль. Громко хлопнули металлические двери...

* * *

...Старшина спецназа ВДВ Иван Фомичевых и младший сержант Дмитрий Шимаченков плутали в лесах. Казалось, что они заблудились, полностью потеряли ориентацию. Несколько раз они переходили одну и ту же речку, пересекали одну и ту же дорогу. Однако во всех этих петлях, восьмерках, зигзагах, в которые складывалась траектория их движения, проявлялись закономерность и логичность. Фомичевых и Шимаченков шли своим путем, довольно долгим и замысловатым, к реке Прохладной, к тому самому аэродрому (теперь заброшенному), который по заданию необходимо было сфотографировать.

Если их не засекут и не повяжут, то автоматически включается второй этап – продублировать задание первой группы, то есть самим сфотографировать объект и выйти на связных, а если не получится – в условном месте под Калининградом ждать встречу с первой группой. В случае же, если первая группа не выйдет на встречу, «провалиться», самим передать информацию «шпионам» и продвигаться к польской границе. Там, ровно по истечении десятых суток после их «высадки», на территории Калининградской области военные учения закончатся. И начнется подведение итогов и «разбор полетов»...

Пока что все маневры, предпринятые Фомичевых и Шимаченковым, были удачными.

– Зачем надо было высовываться? – старшина недовольно поморщился.

– Фомич, этот водила, наверное, до сих пор уверен, что я сижу у него в кузове, дрыхну в теплой соломе, – говорил Шимаченков. – Я же спрыгнул так, чтобы он не заметил. Теперь едет, думает, солдатика везет. На блокпосте его обязательно проверят. Расспросят, где я к нему подошел, куда хотел ехать. Будут нас по его наводке искать. А мы тем временем идем своей дорогой.

– Хорошо, молодец. Смекалистый, – похвалил старшина, но все равно не мог принять такую «приключенческую» манеру выполнения серьезного задания, которую навязывал ему младший напарник. – Но он твою рожу-то запомнил. Сейчас ее, в виде фоторобота, по всей Калининградской области расклеят.

– Да черт с ним... Пока они все там прочешут, пока мой портрет развешат, мы с тобой уже совсем в другой стороне будем. А Медведь с Пасечником уже, видать, на объект вышли...

11

День выдался жаркий. В заболоченном лесу стояло марево – нагретая вода испарялась, создавая в воздухе плавающий пейзаж. Он походил на мираж дремучего леса. От испарений шел характерный запах гнили, способный у кого угодно вызвать головокружение. Между островками, поросшими кустарником, между кочками, из которых торчали корявые березы, чахлые елки, кривые сосны, чернели болотные окна. По краям они были покрыты изумрудной ряской. Передвигаться по такой местности очень сложно и чрезвычайно опасно.

Именно по этому заболоченному лесу, перепрыгивая с кочки на кочку, хватаясь за стволы деревьев, выбирая почву под ногой поплотнее, редкой цепью шли вооруженные автоматами Калашникова солдаты. Все они были одеты в форму мышиного цвета с разводами – военнослужащие принадлежали к подразделениям МВД. Задействованы были солдаты-срочники, а не спецподразделения, об этом свидетельствовали чистые погоны у большинства автоматчиков.

– Ё-мое! Следите друг за другом! – не то приказывал, не то советовал прапорщик. – Как только кто-то провалится, кричите! А сами провалитесь – не рыпайтесь, тоже кричите и ждите!

Эта операция по «прочесыванию» леса, а на самом деле, облава на «вооруженного дезертира», для прапорщика выливалась в тяжелое психологическое испытание. Среди солдат было много салаг, городских подростков со щуплыми плечами, худыми шеями, тонкими руками, которые раньше стреляли из автоматов и передвигались по пересеченной местности только в виртуальной реальности компьютерных игр. Сапоги у таких бойцов настолько завязали в грязи, что сам солдат своими тощими мышцами ног с трудом мог их вытащить. А потом с налипшими на подошву килограммами черной почвы сапоги вообще становились для таких бойцов неподъемными. Поэтому сапоги приходилось отмывать в болотной воде.

Передвижение было чрезвычайно замедленным.

То слева, то справа доносился хриплый собачий лай.

– И что могут собаки учуять в такой вонючей трясине? – удивлялся прапорщик. – Зачем надо было еще и этих несчастных тварей сюда тащить?

В действительности у немецких овчарок сухими оставались только спины. Собаки вынуждены были переплывать болотные окна, пока их проводник балансировал одной ногой на утопающей в бурой пене кочке. «Собачники» понимали, что их питомцев выгнали в заболоченный лес только для проформы. Мол, к поимке преступника привлечены все средства.

Некоторые «собачники», из числа наиболее сердобольных, на руках переносили через вязкую трясику своих нелегких псов.

К лаю примешивались обрывки солдатских разговоров:

– ...дезертировал из части вооруженный до зубов...

– ...наверное, деды жестокие, вот и не выдержал!..

– ...а он никого не застрелил?..

– ... сколько же у него патронов?..

– ... место гиблое... наверное, его давно засосало... а мы тут корячимся...

Прапорщик в мыслях проклинал эту операцию. Никакого бесшумного передвижения не получалось. Если «дезертир» был где-то в этом лесу, то для него вовсе не явилось бы неожиданностью появление облавы. «Да пускай болтают, – думал прапорщик, – так хоть друг друга не потеряют...»

Одна собака потянула своего поводыря к толстой старой сосне, стоящей на островке.

– Ау! Товарищ прапорщик! – прокричал солдат – Там что-то непонятное.

– Осы! – вдруг крикнул «собачник». – Фу, Пальмира, не лезь, – он потянул овчарку за ошейник.

Собака подняла свой нос к дереву, всунула его в большое дупло с трухлявыми краями и, фыркнув, тут же убрала его, почувствовав опасность.

Прапорщик с длинным шестом в руках, перебираясь с кочки на кочку, подошел к этой подозрительной сосне. Он отчетливо услышал жужжание диких ос.

– Так, всем назад! – скомандовал он. А сам осторожно заглянул в дупло.

Внутри дерева прапорщик заметил прилепленный к стенке дупла большой круглый сверток, как будто скрученный из грязного грубого картона – это было крупное осиное гнездо. Вокруг него жужжащим смерчем кружили его обитатели. Насекомые были весьма раздражены.

– Пошли дальше, тут все равно не спрячешься, – окончательно определился прапорщик.

В этот момент на него начала пикировать стайка разъяренных ос. Прапорщик отпрянул от дупла.

– Вперед! – «поводырь» хлопнул ладонью овчарку по загривку.

Собака по грудь провалилась в болото и почти вплавь направилась к следующему островку, потянула за собой привязанного к ней человека.

За ними похлопал сапогами по мокрому мху и прапорщик.

* * *

Когда голоса солдат и лай овчарок почти затихли в глубине леса, в темноте этого дупла, прямо за осиным гнездом – сверкнули белки глаз. Глаза пару раз моргнули, и из дупла показалась голая, шоколадного цвета нога. Большой палец ноги нащупал плотную кочку. Нога полностью опустилась на ступню...

Из дупла осторожно вылез Медведь – старшина спецназа ВДВ Владимир Локис. Он был блестящий, коричневый и полностью голый. В руке он держал пакет с одеждой. В кармане куртки лежал фотоаппарат-зажигалка.

Локис положил пакет на кочку, бултыхнулся в теплую болотную воду.

Эту сосну с огромным дуплом и осиным гнездом Локис увидел еще утром. А двумя часами раньше на заливном лугу он наткнулся на бесхозный «Кировец». Где был тракторист – неизвестно, может быть, в ближайшей избушке, отсыпался после бурно проведенной ночи с друзьями. Однако Локиса это ничуть не интересовало.

Заметив перед собой милицейскую облаву, десантник быстро отступил. Возле «Кировца» Локис скинул с себя всю одежду и остался в чем мать родила. Он слил солярку, соскреб с рессор солидол, хорошенько обмазался им. И нагишом, словно папуас из Папуа Новой Гвинеи, бросился бегом к сосне с трухлявым дуплом. Локис отлично знал, что осы не выносят запаха солярки и солидола. До подхода эмвэдэшников он успел спрятаться и затаиться. Однако несколько злобных ос все-таки воткнуло ему в плечо свое жало. Но ведь осы – не пчелы, не глупые камикадзе, осы жало в теле жертвы не оставляют. Локис-Медведь умел терпеть боль. И, слава Богу, у него не было аллергии на яд диких ос. Тяжелей было мерзнуть, стоя по пояс во влажной трухе, и сдерживать дыхание, когда в дупло к нему совала черный мокрый нос немецкая овчарка. Десантник был чрезвычайно благодарен милицейскому прапорщику, когда тот скомандовал: «Всем назад!»

Вокруг Локиса в болотной воде пошли радужные круги от солидола и солярки. Вода хоть и была теплая, но не настолько горячая, чтобы легко было смыть жирное смазочное масло, похожее на коричневый маргарин. Локис огляделся по сторонам, нашел мыльные цветки, растер зеленый лжеплод на плечах, животе, локтях, ногах. Солидол стал постепенно смываться.

Наконец Локис натянул на себя свою, вполне сухую, одежду.

Теперь он мог спокойно идти своей дорогой. Поскольку путь его проходил по местности, уже «прочесанной» милицией, опасности быть замеченным и пойманным для Локиса-Медведя должно было быть гораздо меньше.

12

На берегу реки в туристическом трейлере вокруг электрической плитки на раскладных тряпичных табуретках сидели Антон, Николай Прокопьевич и Веник Огнеметчик. Возле окна, нервно поджав губы, стояла Вероника. На плите, расположенной на полу посреди комнаты, в турке готовился кофе. Его аромат перебивал запах, исходящий от разбросанных по трейлеру вещей «черных копателей»: стоптанных, заляпанных грязью сапог, дырявых носков, растянутых спортивных штанов, заплесневевших целлофановых мешков, ящиков со ржавыми железяками, добытыми из земли.

– Хорошее кофе, – похвалил Антон.

– Может, хороший? Да ерунда, – ответил Веник Огнеметчик. – Самый ароматный кофе – индонезийский. Его ягоды скормливают диким кошкам, и следят, когда кофейные бобы из кошек выйдут.

– Это как, выйдут? – переспросил Николай Прокопьевич.

– Как, как, каком... – возмутился от такого непонимания Веник Огнеметчик, – Кофейный боб в кишечном тракте этих кошек не переваривается, а только подвергается термо-химической обработке. Потом индонезийцы эти бобы собирают.

– Хорош заливать, – встрял Антон, – кто будет в кошачьем дерьме копать, чтобы пару кофейных зерен раздобыть!

– Мы же тоже за деньги копаемся, – парировал Веник Огнеметчик.

– Извини, ну не в дерьме же! – вспыхнул Антон.

– И сколько же баночка такого, прости Господи, дерьмового кофе стоит? – спросил Николай Прокопьевич с неподдельным интересом.

– Больше тысячи долларов!

– Отдавать тысячу долларов, чтобы выпить отвар из сранья... – Антон сплюнул на пол. Вероника отвернулась и уставилась в окно.

– Гордая, не хочет кофе для бундэсов варить.

– Прокопыч, не тронь ты ее, – вмешался Веник Огнеметчик. – Я им сам сварю. Потурецки, с перцем и гвоздикой. Выпьют – глаза на лоб полезут.

– Веник, ты нам на раскопках нужен, – сказал Антон. – Вероника же не зря немецкий столько лет изучала. Теперь нам необходимы ее профессиональные навыки.

– Я не училась костями торговать! – не оборачиваясь, с вызовом сказала Вероника.

– Не костями, а прахом покойных. И не торговать, а передать. Если хочешь, ты можешь от своего вознаграждения отказаться. А я в этих лесах, даром корячусь, что ли? И вот Веник тоже. Каждый день жизнью рискуем!

– Да-да, Вероничка, – подтвердил Веник Огнеметчик. – Тут на самом деле столько мин, неразорвавшихся снарядов.

– Это же не просто так, – вступил в разговор Николай Прокопьевич.

– Война давно закончилась. Но сама знаешь, – опять заговорил Антон, – пока не похоронен последний солдат, пока его душа не успокоилась, дух войны витает над нами! Ты пойми, мы ведь за полное примирение народов. И, как я уже сказал, мы не продаем кости, мы просто берем плату за работу и риск.

– Весной Гоша Разрыхлитель ящик с гранатами нес. Что-то там перегнило. Так ничего от Гошки не осталось. А дома мальчик и девочка, и жена безработная, – Веник Огнеметчик соорудил слезливое выражение лица. – Я ей часть своего вознаграждения отдам.

В благородство своего дяди Вероника не очень-то верила, а вот Венику, Вениамину, девушка симпатизировала. Образованный, начитанный, в Интернете разбирается. Такой не может быть неблагородным.

– Хорошо, если они мне тоже что-нибудь дадут, я свою часть отдаю Гошиным детям, – наконец согласилась Вероника.

– Мы тоже не оставим семью своего коллеги, – признался Антон.

– Кофе! – вскрикнула Вероника и бросилась снимать турку с плиты.

Вероника не успела. Мелкие кусочки молотого кофе вперемежку с водой пролились на спираль. Плитка зашипела. «Домик на колесах» наполнился терпким запахом жареного кофе.

То, что осталось в турке, Вероника разлила в пластмассовые стаканчики, стоявшие возле плитки на полу. Хватило всего на две порции.

– Вообще-то, я варю кофе с сахаром, – сказала Вероника. – Кому?

– А это случайно не индонезийский кофе? – поинтересовался Николай Прокопьевич.

– Нет, – заверил Веник Огнеметчик. – Я купил «Якобс», правда, украинской фасовки. Там может быть какой угодно сорт.

– Ничего, в лесу и такой сойдет, – сказал Антон. – Если что, скажем бундесам, что это эрзац-кофе времен Великой Отечественной. Для них же это еще и туризм...

– А ты будешь? – спросил у него Веник Огнеметчик.

– Нет, я не хочу. Давай-ка, Колян, по сто грамм, типа «фронтовых»....

– Хорошо, – согласился Веник Огнеметчик. – Тогда мы с Вероникой попьем кофейку.

Антон открыл шкафчик, где стояла открытая бутылка «Русской». Налил в пластиковые стаканчики водки.

– За успех предприятия, – предложил Антон. Он поднял свой стаканчик, чокнулся со стаканчиком Николая Прокопьевича.

Веник Огнеметчик поднес свой стаканчик с кофе к стаканчику Вероники и молча, глядя ей прямо в глаза, чокнулся с ее стаканчиком.

– Это же кофе... – зарделась девушка.

– Ничего, этим его не испортишь, – Веник Огнеметчик улыбнулся – у него была весьма притягательная для молодых барышень улыбка.

Николай Прокопьевич неодобрительно посмотрел на Веника Огнеметчика. Парень заметил это и скосил глаза в свой стаканчик:

– Ммм, неплохой кофе...

– Значит, ты все поняла, – обратился Антон к племяннице. – С нашим суровым бытом ознакомлена. Местность осмотрела. Свои функции – переводчицы и временного секретаря немецких гостей – ты поняла... Да, я просил взять права с собой. Взяла?

– Да, – нехотя ответила Вероника.

Ей очень не нравилось, что всем тут заправляет дядя Антон. Куда лучше было бы, если бы главным у них был Вениамин.

– А ты, Веник, помыл «Гольф»? – осведомился Прокопич.

– Помыл.

– И внутри?

– Да... И деревце пахучее подвесил – немецкого производства, – похвастался своей сообразительностью Веник Огнеметчик.

– Хорошо. Отдай ключи Веронике.

Веник Огнеметчик достал из кармана куртки черный металлический ключ с брелоком «Фольксвагена» и протянул Веронике.

– Поезжай, приведи в порядок магазин. И будь на связи, – распорядился Антон.

– Я тебя провожу... И покажу, как управляться с машиной, – сказал Веник Огнеметчик.

– Хорошо, – согласилась Вероника.

На самом деле ей не нужно было показывать, как управляться с машиной, тем более с их семейным «Фольксвагеном-Гольфом». Время от времени девушка брала автомобиль у дяди покататься или прошвырнуться по магазинам.

– Только возвращайся быстрее, – крикнул Николай Прокопьевич. – Вероника, приедешь в город, позвони...

– Хорошо, папа.

Веник Огнемечик и Вероника пошли вдоль густых зарослей, туда, где на лесной дороге стоял пятидверный «Фольксваген-Гольф» бежевого цвета.

– Будет хорошо себя вести, – пообещал Антон, – этот «Гольф» я ей подарю.

– Да она справится... – заверил Николай Прокопьевич. – Смотрю, этот ваш Огнемечик на Веронику зарится.

– Успокойся, Колян. Не волнуйся, ни моей племянницы, ни наших денег этот пацан не получит.

– Что ты задумал? – тревожно спросил Николай Прокопьевич. – Хочешь от него избавиться?

– Блин, ты что, братан? Ты не так меня понял. Рассчитаемся и скажем, что у нас семья и его – раздолбая – нам не нужно. Ему руку или ногу миной немецкой оторвет, потом вози нашей Вероничке его до конца дней на коляске... Найдем ей респектабельного бундеса. – Антон похлопал Николая Прокопьевича по плечу. – У меня все под контролем.

Веник Огнемечик открыл переднюю дверцу перед Вероникой.

– Прошу.

Девушка удобно уселась.

– А это рычаг переключения скоростей, – показал с хитрым прищуром глаз Веник Огнемечик. – Заметь. Не автоматический.

– Я знаю, – улыбнулась ему в ответ Вероника.

– Первая скорость включается трудновато, – Веник Огнемечик потянулся к рычагу и почти прилег Веронике на коленки. Их губы оказались на близком расстоянии друг от друга. Веник Огнемечик впился в рот в губы Вероники. Девушка резко отпрянула.

– Вениамин, мне надо торопиться.

– Этим рычагом нужно пользоваться уверенно, – продолжал наставления парень.

– Хорошо, хорошо.

Вероника пристегнулась ремнем безопасности, Веник закрыл дверцу автомобиля. Девушка ему кокетливо помахала ручкой и завела машину. «Фольксваген-Гольф» плавно тронулся с места.

* * *

Только «Гольф» скрылся в тени леса, как на берег реки выехал бульдозер, а за ним «Кировец».

– Ну, наконец-то, – с шумом вздохнул Антон.

Он и Николай Прокопьевич вышли из «домика на колесах» навстречу двигающейся технике.

– О, молодцы! – из зарослей появился Веник Огнемечик, он вытирал рукавом рот от губной помады.

В гусеничном бульдозере ехали Грубас и Чечёра. В «Кировце» – неизвестная личность, судя по красному цвету физиономии – малопросыхающая.

– На хера кого-то еще сюда тащить! – в ярости крикнул Антон.

Чечёра заглушил бульдозер:

– Чё?

– Кто это?

– Да вот Веник сказал, – ответил за Чечёру Грубас, – одного бульдозера не хватит. Танк весит 44 тонны. Пришлось попросить подсобить.

– Согласился за три поллитры, – сообщил Чечёра.

– Ладно, – вмешался Веник Огнетчик. – Мы же «патриотический клуб». Все легально.

– Привет фермерам, – Веник Огнетчик хлопнул рукой по двери «Кировца». – Как звать?

– Василием.

– Трос есть?

– Есть, – кивнул мужик в «Кировце».

– Давай!

– Погоди... Руки трясутся... – пожаловался Василий.

– Ясно, – сказал Веник Огнетчик. – Николай Прокопьевич, захватите там в трейлере «Русскую».

Николай Прокопьевич быстро сходил в «домик на колесах» и взял «Русскую», пластиковый стаканчик. Принес, вручил Василию. Тот недоуменно посмотрел на стаканчик, отшвырнул его в сторону, сорвал с бутылки пробку и вставил ее горлышко себе в глотку. Водка забулькала, запенилась в бутылке. За пару секунд в утробе Василия исчезла добрая половина водки.

Наконец мужик вырвал из себя бутылку, проморгался.

– Готов к труду и обороне? – спросил Антон.

– Мы-гы, – закивал головой Василий.

Антон обхватил уже практически пустую бутылку водки своими сильными пальцами, отобрал у тракториста и властно приказал:

– Теперь работаем!

Веник Огнетчик разделся до плавок, надел маску. Ему подали один конец стального троса. С ним парень погрузился в воду. В это время Грубас зацепил его за железный крюк на бульдозере.

Веник Огнетчик вынырнул:

– Этот готов. Давайте второй.

Ему подали трос, прицепленный к «Кировцу».

Под водой Веник Огнетчик прицепил к танку второй трос.

– Порядок. Теперь можно тащить, – Веник вышел на берег, снял маску, поднял полотенце, лежащее на берегу, и начал вытираться.

– По машинам! – скомандовал Антон. – Тащи!

Первым среагировал Чечёра, сидящий за рычагами бульдозера. Трос идущий от бульдозера, натянулся. Бульдозер рванулся, но тут же застрял на месте, копая гусеницами землю под собой.

– Эй ты! – заорал Антон на Василия в «Кировце». – Тащи, бляха муха!

Но Василий мешкал... Никак не мог переключиться на заднюю. Руки у мужика на самом деле дрожали. Он даже вспотел.

Бульдозер в это время уже на сантиметров двадцать закопался в грунт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.